

АНОНИМ

КАНАЛ
★ ИМЕНИ ★
МОСКВЫ
...
ЛАБИРИНТ

Канал имени Москвы

АНОНИМ

Канал имени Москвы. Лабиринт

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Аноним

Канал имени Москвы. Лабиринт / Аноним — «Автор»,
2016 — (Канал имени Москвы)

ISBN 978-5-17-094737-9

Эту книгу ждали десятки тысяч читателей, плененных «Каналом имени Москвы» – лучшим циклом года, книгой-потрясением от таинственного Анонима, о котором известно одно: это мастер магического реализма, блестяще соперничающий с главными мэтрами жанра... Скитание среди чудес продолжается, но на пути к мифической Москве таится древний Лабиринт, о котором говорят, что он хищный и живой и что нет из него выхода. И где-то есть Священная Книга, в ней вроде бы указан ключ, но тайный код пророческого текста стережет зловещее братство монахов, на счету которого уже не одно преступление... Лодка плывет по широкой темной воде Пироговских морей, и пугающая разгадка совсем рядом. А где-то в высокой колокольне Икши, отрезанного туманом города теней и видений, женщина-воин тоже все ближе подходит к разгадке, которая грозит поменять все представления о прошлом и будущем, о жизни и смерти и о хрупкой уязвимой и могущественной силе, что связывает все воедино.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-094737-9

© Аноним, 2016
© Автор, 2016

Содержание

Глава 1	6
1	6
2	7
3	8
4	9
5	13
Глава 2	14
1	14
2	15
3	17
4	19
5	20
6	22
7	24
8	28
Глава 3	30
1	30
2	32
3	33
4	35
6	38
7	40
Глава 4	41
1	41
2	43
3	46
4	47
5	51
6	54
Глава 5	55
1	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Аноним

Канал имени Москвы. Лабиринт

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Аноним, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2016

* * *

«Метро-2033», только на воде! Наверное, рекомендовала бы для всех возрастов, студентам и аспирантам. И еще, может быть, подросткам, если им не будет страшно.

Ozon.ru

Книга атмосферная, полная сюрпризов, загадок, поражающая воображение, аж дух захватывает. Сверхъестественное буквально хватается ледяными щупальцами за пальцы, которыми вы держите книгу.

...Сюжет не позволяет отвлечься ни на минуту, за каждой страницей скрываются неразгаданные тайны, которых не встречалось в других книгах, оживающие призраки ночи, стерегущие у древних границ, сводящие с ума!

Labirint.ru

Эта книга из тех, которые невозможно отложить. По мере чтения возникла аналогия со «Сталкером» Стругацких... с произведениями Стивена Кинга. Автор равномерно подкидывает читателю вопросы, и это сильно цепляет, не отпускает до последних страниц. Очень надеюсь на такое же продолжение!

LitRes.ru

...Постапокалиптические декорации – лишь полотно, на котором автор щедрыми мазками рисует картину мистического будущего...

Fantlab.ru

ДВИЖЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Глава 1

Озёрная обитель

1

– Что это значит?

Человек оторвал взгляд от страницы, пламя свечи чуть дрогнуло. Потом тишина стала вязкой, как и этот воздух вокруг, а огоньки свечей, теперь ровные, показались почему-то липкими. Но...

Рука человека всё ещё касалась книги.

– Лабиринт может быть разрушен?! – хрипло выдохнул он. И замолчал, словно испугавшись произнесённого святотатства. Отвёл от манускрипта старческие пальцы, на лбу выступила испарина, и пришлось откинуть к плечам капюшон, подбитый алым, как пользовали Возлюбленные братья.

Человек был настолько стар, что почти забыл звучание имени, какое носил в миру, среди гордых капитанов Пироговского моря, сотоварищи же давно обращались к нему «брат Фёкл». Только Книга была намного древнее, бесценной. Во многих местах бумага потемнела, покрылась «лисыными пятнами» и пропиталась сыростью, как при дурном хранении; некоторые листы слиплись (стоит отметить, в наиболее важных местах), склеились так, что требовалось немало труда отделить один от другого, не навредив Книге. Конечно, имелись и соскобы текста, и манускрипт явно расшивали, затем сшили заново. Только всё это было неважно. Он впервые смог прочитать Книгу по-другому. «Деяния Озёрных святых». И главное, заключительную часть, вызвавшую в своё время немало споров и разночтений. Девять Святых Пироговского Озёрного края возвестили о грядущем. Собственно говоря, всю заключительную часть можно рассматривать как корпус пророчеств. И... Брат Фёкл нашёл ключ. Щека болезненно дёрнулась. Взгляд снова приковала к себе раскрытая страница, видимо, от напряжения перед глазами поплыло. Нашёл тайный код, шифр, только...

– Как же так? – прошептал брат Фёкл, хотя был в своей келье в полном одиночестве, и единственным его собеседником оставался подобранный недавно на хозяйском дворе обители дымчатый котёнок, забавляющийся сейчас игрой с собственным хвостом.

Шифр оказался настолько простой, настолько всё время лежал на поверхности, прямо перед глазами, что становилось неясно, в чём, собственно, его тайна. Шифр не только находился в книге, он и был самой Книгой, её непреложным атрибутом, как гнев и благодать Господня, числами, из которых явился священный текст и словно требовал: «Ну, разгляди, прочти же меня, наконец!» Прорезанная глубокими морщинами щека опять дёрнулась. Девять Святых оказались теми ещё шутниками. Конечно, ведь что бы там ни утверждал брат Дамиан об их старчестве (благочинность, конечно же, необходима, и Возлюбленный Дамиан сто раз прав!), прежде всего, они являлись капитанами Пироговского речного братства. Но тогда...

Стало зябко. Брат Фёкл не мигая смотрел на манускрипт. Пальцы, чуть подрагивая, вернулись к раскрытым страницам и, будто задабривая, погладили их.

– Смысл всего меняется, – произнёс брат Фёкл. И вздрогнул. Нет, наверное, он не услышал эха в своей уединённой келье, но, казалось, сам этот липкий воздух ответил ему угрозой.

2

Отроки-послушники закончили уборку трапезной, выжали тряпки, обтёрли руки нижними краями длинных фартуков, укрывших сутаны, и уселись передохнуть на приступке, разделившем залу пополам. Фартуки, взятые на кухне, были грязными и, стоит признать, достаточно зловонными, в отличие от личных вещей послушников, содержащихся в чистоте – гигиене в Озёрной обители придавалось первостепенное значение. Длинные столы, пол, скамьи теперь также сверкали чистотой. Ох, уж сегодня Возлюбленные братья и позволили побаловать себя яблочным сидром перед теологическим диспутом, а кое-кто чем и покрепче не побрезговал. Так шумели, так разошлись в праведных спорах, что у отроков-послушников, заставших самый финал дискуссии, аж уши горели – как бы кого в ереси не уличили...

С кухни доносились монотонные звуки – натирали металлическую поверхность. Мальчики понимающе переглянулись.

– А Пухлый так и драит котлы, – важно заключил один, кивнул и весело добавил: – На камбузе.

– Ох, не говори так, – тут же одёрнул его другой. – Камбуз – это когда на лодке. А обитель – дом наш.

Мальчики благочинно замолчали, а потом всё же не выдержали и оба весело прыснули. Но не громко, чтобы Пухлый не слышал. Дел ещё, конечно, невпроворот, и пока всё не закончат, сна не видать, но ему они помогать точно не станут. Стукач он, Пухлый, и всё больше послушников прибавляли к его прозвищу слово «тухлый», причём ставили его впереди. Пухлый всегда возводил кляuzu на мальчиков, да и делал это почти открыто, набивал «плюсы» перед старшими, и самое обидное, что у многих братьев-лекторов такое поведение встречало благосклонность. Но не у всех, к счастью. Вот и сегодня Тухлый-Пухлый настучал брату Фёклу, что они брали плоскодонку и тайком на плотину плавали – она ж северным концом-то в Пустые земли уходит, как не посмотреть? Наказание было суровым, и розог не избежали, и, видимо, не спать теперь мальчикам до утренней зари. Но и Пухлому брат Фёкл трудовую повинность определил. За донос! Причём самую тяжёлую: в одиночку все котлы перечистить.

– Говорят, завтра брат Дамиан прибывает, – как бы невзначай упомянул мальчик, вспомнивший о камбузе.

– Возлюбленный брат Дамиан – Светоч Озёрной обители, – последовал зазубренный ответ. Но царившая в воздухе хоть и деловитая, но весёлая атмосфера словно чуть потяжелела.

Первый мальчик вздохнул, искоса глядя на товарища. Потёр друг о дружку усталые руки и очень тихо сказал:

– Как думаешь, если б на его месте был брат Фёкл, всё было бы по-другому?

На этот раз ответа не последовало. Но воздух будто бы ещё налился тяжестью. А потом оба мальчика вздрогнули и побледнели. Потому что где-то далеко, во тьме, таящейся за окнами, завывли псы Пустых земель.

Но сюда псам не добаться. Обитель защищена надёжней, чем само Пирогово, и к ней не пробраться никаким врагам. И сама обитель, и некоторые уединённые затворнические кельи возведены на сваях посреди огромного Акуловского озера (самое большое в цепи водохранилищ, его ещё зовут Учинским или Уч-морем), и широкая водная гладь является лучшей защитой. А от непрощенных гостей из числа лихих людишек стерегут капитаны.

3

Укрытая ночью, лодка бесшумно коснулась носом сваи. Лишь плеск, как будто из воды, посеребрив брюхо в лунном свете, выпрыгнула рыба. Возможно, так оно и было – те, кто находились в лодке, умели не производить лишних звуков. Две фигуры незаметно проскользнули на плот, служивший плавучим причалом; вой, пришедший из тьмы, застал их уже внутри обители.

4

...Девять печатей будут сорваны, когда армии *Разделённых* придут с севера: Четыре пса возвестят конец с восходом, Две смерти и Три вечерних зари, которые переживут немногие...

Перед глазами снова поплыло – этот нестерпимый сладковато-грибной запах сырости. А может, всё дело просто в возрасте и древние кости промёрзли настолько, что их уже ничем не отогреть. Брат Фёкл снова накинул капюшон, подумал: «Возраст не возраст, но бумага-то отсырела! Разве ж допустимо подобное обращение с таким бесценным сокровищем?» И хоть с манускрипта было сделано бесчисленное количество списков, подлинника сохранилось только два: этот и в личном пользовании брата Дамиана. А что до копий, так что ж с писаришек взять-то? Отроки больше о каллиграфии думают, а не о сути и часто путают порядок слов, то ли по неряшливости и отсутствию должного усердия, то ли... потому что списывали с более ранних копий, куда уже прокрались ошибки, меняя слова местами. И вот в этой небрежности как раз таки и затаилось большое зло: по глубокому убеждению брата Фёкла, не только сакральные числа (о чём уже давно никто из братьев не спорил), но и порядок слов являлись сутью и содержанием Книги, таинством деяний Озёрных Святых. Да и самих их было Девять, как и священных печатей...

Озноб прошёлся по телу, и пришлось сильнее закутаться. Действительно, возраст: на лбу то испарина, а в сердце холод. Сегодня впервые с этим самым мутным холодом внутри брат Фёкл подумал, что, возможно, дело не в небрежности и отсутствии должного усердия и порядок слов перепутали намеренно. Ещё давно, когда списывали первые копии, ведь бесценные подлинники не давали в руки даже посвящённым, лишь самый ближний круг... Это, конечно, возмутительная ересь со стороны брата Фёкла – усомниться в благочинности деяний Возлюбленных и усмотреть какой-либо злой умысел, тем более что ошибки незначительны, так, мелкие детали, но...

Старый монах дёрнул головой, и ему пришлось зажмуриться: только что манускрипт перед его глазами раздвоился и соединился вновь. Брат Фёкл отклонился к стене и тяжело задышал – стар он стал для ночных бдений. Но прилив дурноты вроде бы отступил.

«Разделённые грянут с севера, из-за Тёмных шлюзов и Пустых земель», – произнёс брат Фёкл одними губами.

«...И тогда посреди Пустых земель станет невозможно дышать.

Лабиринт укроет верных Слову

От Четырёх псов чёрного человека...»

«О чём это я? – подумал брат Фёкл. – Зачем повторять всем известные азбучные истины, что лекторы-монахи вбивают в юные головы послушников?!»

Но его глаза сами отыскивали в раскрытой странице знакомый абзац. А потом взгляд переместился на кусок бумаги, где он делал свои пометки.

Потому что числа, вот зачем! Числа. Только он использовал их по-другому, – брат Фёкл всё ещё не мог прийти в себя от совершаемой ереси, – использовал необычным способом. Он позволил себе кое-что. Предположение. Что, помимо сакрального, цифры-числа имели ещё кое-какой смысл. Результат его ужаснул, видимо, и вызвав этот прилив дурноты. Вместо всем известного канонического стиха о том, что грянет, когда придут полчища Разделённых: «...И тогда посреди Пустых земель станет невозможно дышать», – фразы, которую только что почти безмолвно произнесли его губы, он смог прочитать кое-что иное. Новое и совсем другое.

Это не было случайностью. Текст оставался связным, но полностью менялся весь смысл.

«...И станет Лабиринт от человека».

Брат Фёкл сморгнул.

– Четыре пса, – глухо пробормотал он. – Две смерти и Три вечерних зари...

Дымчатый котёнок посмотрел на него с любопытством и снова принялся ловить свой собственный хвост. Брат Фёкл улыбнулся ему.

Не было ошибкой, случайным совпадением одной фразы. Найденный им ключ ложился на всю страницу. Одна ересь тянет за собой другую, именно так открываются ящики Пандоры. Брат Фёкл позволил себе применить метод, тайный шифр из чисел, известных в Пироговском речном братстве каждому, на весь священный текст. И Книга зазвучала совсем по-другому.

Сердце брата Фёкла забилося сильнее, но не ровно, в груди защемило.

«Надо найти ещё возможные значения слова «громада», – пометил он на своём отдельном листе бумаги. А потом снова уставился на раскрытую страницу. И тут же, словно сравнивая, перевёл взгляд на сделанные пометки. Тряхнул головой, зябко озираясь, и тёмно усмехнулся. Ещё один с детства знакомый канонический стих зазвучал по-другому:

«...Три вечерних зари соединятся,
Затем укроется небо тьмой.
Лабиринтов свет иссякнет...»

И главное, дальше, на самой последней странице: «...Тогда сей день будет пиром Разделённых».

Этим стихом заканчивалась Книга Пророчеств. За карой Господней уже ничего написано не было, ничего не следовало – чистый лист бумаги. Только сейчас... Сейчас стих зазвучал совсем по-другому, возможно, и вызвав спазм в горле:

«...Но когда они соединятся,
Лабиринтов больше не будет».

– Это «но» в начале, – слабо прошептал брат Фёкл. – Надо будет посмотреть в другом месте. Возможно, «Деяния Трёх Святых».

Спазм в горле повторился. Именно это изменение столь привычного, почитаемого, столь любимого и оберегаемого с особым тщанием текста заставило брата Фёкла несколько минут назад произнести самую крайнюю ересь из мыслимых, предположив, что Лабиринт может быть разрушен. И испытал он в тот момент... Да. Благоговейный священный ужас, но и... Где-то глубоко в сердце, чего уж скрывать, испытал еле уловимую тихую и порочную радость.

Девять Озёрных Святых, те ещё шутники, оставили нам два совершенно разных послания.

Каким-то сквознячком потянуло от входа в келью, пламя свечей опять дрогнуло, но тут же всё прошло. Брат Фёкл поднялся со скамьи посмотреть, не пришёл ли кто навестить его в столь поздний час, но нет – просто ветерок. И это хорошо. Хотя в обители и считалось, что второй главной чертой брата Фёкла после усердия является гостеприимство, хорошо, что ему не будут мешать. Работы ещё много, можно сказать, неуправляемый. Он не может позволить себе вычёркивать слова, отсекаать лишнее...

(Не богохульствуй! Не в твоём праве полагать лишними слова Священного Писания!)

прямо на страницах манускрипта. Он не станет портить Книгу. Надо переписывать всё на отдельные листы, а там уже...

Брат Фёкл, склоняя голову, смотрел на раскрытые страницы. Вся Книга зазвучала по-другому.

«Армии Разделённых грянут с севера, из-за Тёмных шлюзов...»

С детства воображение рисовало бесчисленные полчища этих кошмарных тварей, разрезанных пополам вдоль или поперёк; позже он узнал ещё более ужасные вещи о том, что они могут быть отделены от своих душ. Хищная агрессивная передвигающаяся материя нагрянет, чтобы уничтожить последние оплоты духа в Озёрной обители...

Брат Фёкл, странно хмурясь, смотрел на манускрипт.

– Это значит совсем другое, – вдруг низким голосом произнёс он, и опять его сердце предательски забилося быстрее, однако сбиваясь с ритма.

Котёнок оставил в покое свой хвост и теперь уставился на двуногого с недоумением. Он был гладкошёрстный, с умной мордочкой и большими разноцветными глазками. Не дождав-шись от брата Фёкла продолжения, он вернулся к забавам с хвостом, видимо, считая это более интересным.

«А ведь Аква говорила мне, – подумал брат Фёкл. – Любопытная и упрямая. С детства была такой».

Только ведь дело не в девочке. Не только в девочке. Червячок сомнения давно уже посе-лился и грыз сердце брата Фёкла. Поэтому вместе с благоговейным трепетом он и испытал эту порочную радость.

Подкатил новый, гораздо более сильный прилив дурноты, и в груди повисла тяжесть. Что-то с ним не то. Испарина выступила на лбу, брат Фёкл отёр её тыльной стороной ладони. И вдруг резкий приступ панической атаки

(«Я умираю?!»)

сменился сиротливым и холодным чувством. Старый монах посмотрел на густую тьму за окошком кельи; и само оно и обрамлённый им квадратик черноты показались дрожащими. Но пока он жив. И будет бороться, пока он...

Брат Фёкл снова провёл тыльной стороной ладони, холодная испарина на лбу... Как быстро и внезапно, ведь ещё сегодня утром и днём он чувствовал себя прекрасно, сплавал на плоскодонке к плотине, куда накануне, не спросившись, отправились шалопаи-послушники, и весьма бодро правил веслом.

На слабеющих ногах он добрался до окошка, распахнул его. Сделал глубокий вдох све-жего озёрного воздуха. Сразу стало легче, но только этот сиротливый холод не ушёл насовсем.

«Наверное, вот и пробил мой час», – подумал брат Фёкл. Посмотрел на огоньки трёх свечей, что горели над раскрытым фолиантом. Понял, что у него слезятся глаза. Жизнь, как огонёк, – сильна, но задуть её ничего не стоит.

Брат Фёкл быстро вернулся за своё рабочее место, ухватился за перо и принялся писать. Лёгкая дурнота, и высохла вся гортань... Писать, быстро, тезисами, чтобы успеть как можно больше...

Перед глазами пошли круги, и теперь рука, держащая перо, становилась всё менее послушной. Брат Фёкл чуть отклонился, чтобы перевести дух, и, хоть боль, сжавшая виски и наполняющая голову какой-то ватной пустотой, не прошла, стало немного легче.

– Почему у сырости грибное зловоние? – повисло на раскалённом, как камень на солнце, языке.

Брат Фёкл поморгал. Буквы манускрипта дрожали, этот липкий воздух. Словно испаре-ния от страниц...

И вдруг он всё понял. Но только не мог поверить, что такое возможно. Этот бесцен-ный экземпляр «Деяний Святых» вовсе не подвергся дурному хранению. И страницы древ-него манускрипта потемнели совсем по другой причине. Брат Фёкл вдруг печально улыбнулся, смущённо, беспомощно...

– Аква, – тихо прошептал он. – Кто теперь позаботится...

Вот чем были этот воздух, показавшийся липким, и сырость, исходящая от страниц. Его отравили. Книга пропитана ядом. Эссенция...

Брат Фёкл схватил перо и свои страницы и бросился прочь, к раскрытому окну. Вот почему становилось легче, когда он удалялся от Книги. Но яд уже проник в кровь, уже делает своё дело; крепчайшая эссенция грибных спор, которая испаряется, быстро улетучивается при свете, и следов не останется.

Ещё с этой сиротливой печалью, но уже и почти равнодушием брат Фёкл вспомнил, как ему передавали Книгу, бережно завернутую в несколько слоёв плотной материи.

– Возлюбленные братья, как же... – прохрипел брат Фёкл. Слабо присел на краешек лавки, попытался разложить записи на ровной поверхности, глядя на расплывчатые буквы. Поднёс к листу чернильное перо...

Его отравили. Убили, и обратного пути уже нет. Но, может, он успеет, успеет записать как можно больше. Не разоблачений, нет, а ту великую простую и чудесную тайну, что успел узреть...

Однако брату Фёклу больше не было отведено времени. Он словно стал давиться своим горячим распухшим языком. На краешке губ выступила пена, и, не успев вновь добраться до спасительного окна, возможно, давшего хоть небольшую передышку, брат Фёкл опрокинул лавку и рухнул на дощатый пол своей кельи.

Дымчатый котёнок посмотрел на него в удивлении – двуногий наделал грохота. Но пришедшая вслед тишина оказалась недолгой. Скрипнула половица, котёнок прижал уши к голове и негромко зашипел. В келье брата Фёкла появились двое посторонних – тоже двуногие, но пахло от них не так, как от Возлюбленных братьев, к чьему запаху котёнок успел привыкнуть, потому что не знал другого.

– Он умер? – Голос был тихий, приглушённый плотной тканью, нижняя половина лиц укрыта косынками.

– Не знаю. Наверное... Вот она.

– Да, но...

– Забирай скорее.

– Конечно.

Один из вошедших осторожно, не касаясь тела, переступил через брата Фёкла. Взял со стола манускрипт, схлопнул тяжёлые половинки, закрывая замочки на переплёте, бережно, но не с почтительным трепетом книжного человека, а, скорее, чтоб не навредить ценному товару, отправил Книгу на дно матерчатой сумки.

– Всё, уходим.

– Подожди. Надо закрыть ему глаза.

– Во имя всех святых...

Но тот, кто забрал Книгу, склонился над братом Фёклом, – котёнок снова зашипел, – перекинув сумку за спину, чтоб не мешала, протянул ладонь и неожиданно, совсем неподобающе вскрикнул. Потому что сам он и его напарник в следующее мгновение сделались свидетелями довольно жуткой сцены. Возможно, на последнем импульсе агонии старый монах вдруг ухватил за руку склонившегося над ним человека. В ужасе, но ещё больше в замешательстве, тот попытался высвободиться, котёнок шипел, а пена теперь всю прибывала из полураскрытого рта старого монаха. Но рука его проявила внезапную силу.

– Аква... – прохрипел брат Фёкл.

Забравший Книгу несколько обескуражено обнаружил, что монах впихивает ему в руки пачку каких-то листов. А потом он посмотрел в умирающие глаза брата Фёкла и на какое-то мгновение словно обмяк. Они смотрели друг на друга, пристально, очень недолго, но во взгляде забравшего Книгу успело мелькнуть изумление. Он, наверное, смог бы что-то сказать, но зрачки брата Фёкла закатились, а потом его глаза закрылись сами собой.

Через несколько секунд, когда в келье снова воцарилась тишина, котёнок подошёл к телу брата Фёкла, обнюхал его руку, пытаясь поиграть, но так как ответа от двуногого не последовало, улёгся рядом и задремал.

5

Лодка быстро скользила прочь от Озёрной обители. Хотя всё прошло не так, дело было сделано. Когда почти добрались до плотины, из-за туч предательски показалась луна. Но обитель, чернеющая посреди водохранилища, осталась теперь далеко за спиной. Из сумрака, отчётливо выделяясь, наплывала земляная плотина, закрывающая Уч-море от основного русла канала. Ночью на плотине могло оказаться всё, что угодно, хотя, к счастью, псы Пустых земель и прочие твари, таящиеся в глубоких выжженных трещинах, побаивались близко подходить к воде. К тому же со стороны канала плотины стерегли – ничто не должно было нарушать покой Озёрной обители. Но те, кто находились в лодке, знали, как обойти посты. Правда, порой они пользовались путями, по которым никто из живых на канале не пошёл бы добровольно.

Луна, будто наглядевшись в зеркало ночной воды, снова стала укутываться облаками. Вот тогда забравший Книгу и прервал тягостное молчание:

– Он был такой, как я, – возможно, еле уловимая в голосе нотка то ли горечи, то ли обвинения, брошенного непонятно кому, и не прозвучала.

Его напарник ничего не ответил, продолжая со спокойным деловитым усердием грести однолопастным веслом.

– Такой же, как я, понимаешь?!

Напарник, загребая воду, пристально рассматривал плотину, на которой сейчас таяли последние полоски бледного лунного света.

– Там всё тихо, – наконец сказал он.

– Такой же...

Тьма окончательно накрыла Уч-море. Напарник ещё немного помолчал, затем извлёк из воды весло и, не оборачивая головы к собеседнику, негромко произнёс:

– Не думай об этом. Твоей вины в этом нет.

Глава 2

Ворота на водоразделе

1

Апбб-жжжж-ззз...

Тихо накатывает со всех сторон то плотной стеной, то трепещет, как бархат.

Ззз-ллл-лы-оо-ооозз-апп...

Поцелуй... один... мы не дотанцевали...

Аппзззы...

«Ева, на тебе платье Незнакомки... и там, в звоннице...»

Ззз-аппбббл...

Ширркгарх... зз...

«Всё теперь связано».

Мерцающая дорога, видел...

Только это было давно.

2

«Только это было давно», – подумал Фёдор и тут же понял, что не может точно сказать, насколько далеко отстоит это «давно», как много прошло времени: сутки, трое, может быть, неделя или несколько часов.

«Вспоминай, ты должен... А главное, что ты видел?»

Сонливость покрывалом озноба опять ложилась на плечи. Не спать! Оса затаилась, жёлтое тельце, прорезанное чёрными прожилками, ползёт и стала вдруг огромной, с человеческую ладонь, ещё больше... Нет, он убил последнюю осу, он убил их всех и выбросил трупки за борт лодки. Некоторое время назад. Когда? Как было бы хорошо отдаться этому ознобу и уйти в уют сна. Но тогда – конец, яд уже всю растекается по телу и...

– Ты просто не проснёшься, – прошептал Фёдор, с трудом шевеля тяжёлыми обезвоженными губами.

(вспоминай!)

Как нелепо, какие-то осы. Целое гнездо ос.

– Ева, – слабая болезненная улыбка на распухших губах.

Нельзя спать. Этот сладкий сон может стать билетиком в один конец. Просто терпеть, держаться, и организм справится. Наверное, справится. Или...

Аппбзллы...

Эти звуки в мареве сна, в который, сам не замечая, он всё чаще проваливается... Никаких «или»! Хоть спички в глаза вставляй, но не смей спать. Да только предательски или потому, что на самом деле это было единственным спасением, взгляд снова притянула к себе зеленоватая бутылка. Был выход: вода из-под Зубного моста. Радикальный выход, потому что если осы оказались мутантами, то, прими он лекарство, озноб и лихорадка покажутся лишь детскими шалостями. Кожаный мешочек рядом, туго набит – смесь целебных трав, определённых спор и грибов. Это он вспомнил. Когда-то сам провёл классификацию и учил готовить лекарство. Сейчас кто-то – Тихон? – позаботился о нём: целебная вода, лекарственная смесь. Это вспомнил. Но даже если он выдержит и не сойдёт с ума, приняв спасительный раствор, то провалится в забытье, которое сменится глубоким сном. В итоге оздоравливающим, конечно, только проспит он много часов кряду. И тогда уж точно некому будет держать под контролем берег, – а они там, таятся, ждут и следуют за лодкой, – берег и такие близкие теперь заградительные ворота.

(Вспоминай. Что ты видел?!)

Но, похоже, у него не остаётся другого выхода. Надо попытаться немного отгрести назад, подальше от берега и от ворот, на середину озера, где фарватер, и бросить плавучий якорь. Яд этих тварей вот-вот доконает его, и он, в любом случае, уснёт. А так у него появится шанс. Горькое лекарство,

(«Оно сделает меня беззащитным»)

заботливо оставленное Тихоном. Настоящее лекарство всегда горькое, уж неизвестно, почему так вышло в этой жизни. Однако у него будет неплохой шанс: дикие с Пустых земель – или кто там швырнул осиное гнездо?! – остерегаются воды, а на всём фарватере присутствия чужих лодок вроде бы не обнаружилось. Правда, никто не знает, что случится, когда он уснёт. Но тут уж ничего не поделаешь, тут, как говорили в родной Дубне, уж не до жиру.

(«В родной Дубне?! Господи, а ну, прекрати немедленно, о чём ты думаешь...»)

(«Вспоминай. Ведь ты видел что-то очень необычное»)

Сейчас, сейчас он попытается отгрести насколько хватит сил... Сейчас. Взгляд опять остановился на бутылке. По ней ползла оса...

Нет! Не позволяй больному сознанию играть с тобой.

Это, конечно, не лучший вариант – провалиться в долгое забытье посреди Икшинского водохранилища, в двух шагах от Тёмных шлюзов, но другого ему не оставлено. Фёдор обернулся – перед глазами всё затуманено...

«Древние строители мастерски использовали для русла канала естественные водоёмы, расширив их и назвав «морями». Откуда это? Фёдор потрянул головой. «Критическая теология», что преподавали в Дубнинской гимназии? Этот мальчик в нём, незатейливый паренёк из Дубны, оказался крепок и вовсе не собирается уходить насовсем. И может, это хорошо. Может быть, это самое главное. Но было кое-что, о чём не знали авторы школьного учебника. Фёдор смотрел на башенки заградительных ворот, разделявших водохранилище, на уходящий вдаль водный проход между ними, и вдруг откуда-то всплыла неясная мысль о грозных сторожевых башнях, поставленных стеречь древнюю границу между...

«Между чем и чем?»

(там, за воротами, лежит нечто иное)

Яд. Это всё яд играет с ним. Перед его глазами просто техническое сооружение, созданное, в том числе, для аварийного разделения различных участков водохранилищ, и таких на канале несколько. Фёдор крепко зажмурился. Веки были горячими и, подобно губам, становились всё более тяжёлыми. Снова открыл глаза: «Вспоминай! И главное, что ты там увидел?»

Тревожная мысль несколько проясняла сознание. «Что-то намного более важное, чем фантазии про древние границы...»

Фёдор покачулся. Двинулся на корму, совершая осторожные шаги. Добрался до уключин рядом с румпелем, где находилось самое узкое место кокпита. Там, упершись ногами в основание сиденья рулевого, можно было грести в одиночку. Ему оставили два облегчённых весла, но это так, смех да и только, скорее, для манёвра. Надеяться долго управляться в одиночку на вёсельном ходу с такой лодкой... Он уставился на вёсла, – смех да и только, – и неожиданно для себя приснул. Другое дело парус, но на фарватере, в отличие от берегов, где гулял лёгкий ветерок, лежал абсолютный штиль.

– Чем богаты, тем и рады, – глубокомысленно изрёк Фёдор. Помолчал. И хоть уловил нотку деловитого идиотизма в собственном голосе, всё же сумел подавить повторный приступ истерической усмешки. Похоже, яд уже взялся за него, и следует поспешить. Фёдор опустил вёсла в воду и тут же, чуть сощутив воспалённые глаза, посмотрел вдаль,

(флюгер)

между двумя заградительными башенками.

«Там будет ветер, за воротами. Там всегда дует постоянный, вовсе не рваный, даже по берегам, стабильный ветер с Пустых земель». Да, это он вспомнил. Только этого недостаточно. Водный путь, русло канала, как медленная мерцающая река посреди неподвижных озёр. И вот здесь что-то очень важное:

«Что же ты видел? Что именно?!»

3

Сразу за Икшей канал резко отворачивал на юго-восток, делая длинный зигзаг через цепь водохранилищ, по дну которых было проложено его русло, а Дмитровский тракт здесь уходил вправо, пересекая водораздел почти по прямой. Где-то там, далеко впереди, уже совсем рядом с Москвой канал и тракт, бегущие от самой Дубны параллельно друг дружке, встретятся снова. Правда, ненадолго. Всего лишь на длину широкопролётного моста через рукотворное Клязьминское море. Фёдор бросил взгляд на тракт, над которым стелилась пока ещё слабая неприветливая дымка, и постарался не думать о мосте, хотя именно туда сейчас лежал его путь. Не думать об обрушенных в воду конструкциях, о стонущих перекрытиях и колючем тёмном ветре, в чьём завывании чудились голоса похуже, чем голоса стаи волков. Ну, если только в том смысле, что лодка Петропавла,

(Ева)

скорее всего, уже миновала это место. Вряд ли Петропавел сочтёт нужным останавливаться и ждать. Он знает своё дело. И знает, что там, у исполненного зловещей славы посёлка «Водники», где начинался мост, и в особенности на противоположном берегу («Буревестник, – подумал Фёдор. – Так когда-то называлось это место»), в дремучих старых лесах, где сами деревья будто злобно следят за вами, было что-то, возможно, даже более плохое, чем на Тёмных шлюзах. Фёдор всё ещё смотрел на тракт.

– И несколько дальше по каналу... – пробормотал он. – За мостом...

Сразу за мостом открывалась широкая заводь, Хлебниковский затон, где на последнем приколе спали вечным сном корабли, давно покрытые ржавчиной и частично затонувшие. И вот среди этих судов, и маскируясь под них... Он подёргал щекой – об этом тоже сейчас не стоит думать. Очевидно лишь, что Петропавел не станет там задерживаться.

Это Фёдор вспомнил.

Но оставалось ещё Пироговское братство. Точнее, та часть Свободных капитанов, что откололась от братства, всё глубже погружающегося в религиозную истерию, нагнетаемую монахами. Вроде бы они перебрались на Химкинское водохранилище или вернулись в Пирогово, об этом Фёдор не знал наверняка. Но, возможно, Петропавел решит сделать передышку и воспользуется гостеприимством капитанов. И тогда появлялась слабая надежда, что Фёдор успеет нагнать их. Успеет увидеть Еву прежде, чем вновь окажется на мосту.

Он улыбнулся, вздохнул и опять посмотрел на Дмитровский тракт. Как быстро всё менялось – дымка уже заволокла подъём, по которому взбиралось заброшенное шоссе, и чахлые деревца по обочинам утонули в ней. Дальше высоких деревьев не будет, лес редел, Пустые земли находились совсем близко. Но в районе тракта их пояс был крайне узким, и ещё до Клязьмы, до Водников леса начинались снова. И вновь начинался туман.

«Ты ведь как-то побывал там, – этот голос, наверное, больше не принадлежал бате, наверное, он сам говорит с собой, но почему тогда в тоне сквозит еле уловимая издевательская насмешка? – В месте, где закончатся иллюзии? И был в заводи среди спящих кораблей. И там видел кое-что. Видел, как это, маскирующееся под корабли где-то в наибольшем их сгущении, стало оживать... Вы тогда справились, и нападение настигло вас уже на мосту. И вот там,

(Лия)

(Хардов)

(всё теперь связано, молодой гид)

когда всё, казалось, осталось уже позади...»

– Там была смерть, – прошептал Фёдор.

«Ага. Но как потом, позже, выяснилось, не твоя. Там ждали две смерти, но одна опять осталась без поживы».

Фёдор смотрел на Дмитровский тракт. Это был короткий путь. Нехоженный, запечатанный, древнее шоссе, теперь закрытое для живых, и решился он на него... Застывший взгляд Фёдора потемнел, каким-то холодком повеяло по лицу. Мрачные тени уже полностью заполнили тракт. И где-то там, в самой глубине этой тьмы, или в самой глубине Пустых земель, словно нечто догадалось о его раздумьях и теперь ждало. Затаившись и вовсе не выдавая своего вожеления, лишь тихий зов становится всё более алчным.

Фёдор провел рукою по лбу, и тень отступила. Будто наваждение прошло. Вокруг был солнечный день, и старое шоссе, над которым привычно стелился туман. Фёдор бросил ещё один взгляд на тракт: когда-нибудь ему предстоит пройти по этой дороге. Но не сейчас. Лодка ждала. И он выбрал круговой путь по воде.

4

Едва лодка вошла в Икшинское водохранилище, ветер на фарватере стал стихать, и движение замедлилось. Потом парус заполоскало, и он обвис окончательно. Впереди, где ветер разгуливался вовсю над поверхностью рукотворных морей, особенно на Клязьме, могли ждать почти метровые волны. Но здесь приходилось довольствоваться тем, что есть. До заградительных ворот, пересекавших водохранилище, оставалось не менее трёх километров. Фёдор чуть повернул к берегу, парус начал оживать; от берега – и ветер терялся. Ничего другого не оставалось: дуло лишь по берегам, хотя и не хотелось туда приближаться, пришлось рулить к берегу. Эти «три километра» несколько удлинялись; судя по всему, придётся двигаться галсами, подлавливая ветер, а затем, постепенно отруливая, он вновь найдёт фарватер и пройдёт сквозь ворота, охраняющие Икшинское море. Приближающаяся полоска суши выглядела всё неприятливей. И хоть никаких признаков угрозы он не обнаружил, что-то было не так. Какая-то *неправильная* тишина?

«Запомните, мальцы: порой главной угрозой как раз таки и является отсутствие её явных признаков. Запомните, и возможно, когда-нибудь это спасёт вам жизнь». Кто это говорил? Фёдор усмехнулся: он сам. Это его слова. И сейчас он их вспомнил. Что ж, уже неплохо.

Фёдор рулил к берегу. Тихо, лишь слабый плеск и лёгкий ветерок играет листвою. Однако... Он больше не мог игнорировать это неявное, еле уловимое, но неприятное чувство, что за ним наблюдают. Мутноватые сигналы всё нарастали. Ощущение чужого пристального и, скорее всего, недоброжелательного взгляда, таящегося в этой листве на берегу. Он здесь не один? Дикие? Неожиданно поймал себя на том, что глаза опять проводят инвентаризацию оставленного ему. Прежде всего, оружия. Два ствола. «Калашников», в отличном состоянии – если бы Фёдор не знал, какая это ценность на канале, можно было бы предположить, что автомат хранился себе где-то в ружейной комнате и ещё ни разу не был в деле. И надёжный пистолет «ТТ». Ещё до того, как отправиться в путь, Фёдор проверил, не сбиты ли прицелы, разобрал и собрал оружие, протёр его промасленной тряпкой. Понял, что эта процедура оказалась сродни медитации, возвращала рукам силу и проясняла голову. Особенно после встречи с Хароном. Также ему оставили масляный фонарь, защищённый прочным стаканом, пару мощных факелов, горелку, армейский штык-нож, немного провианта – сухпай, – и немного воды. На канале было достаточно мест, где можно было пить забортную воду, и сейчас он о них вспомнил. Интересно, но Тихон не оставил ему карты и каких-либо письменных рекомендаций. Фёдор подумал, что, наверное, знает почему. Собственно говоря, ему хватило бы только оружия – воду, пищу и огонь он смог бы добыть себе сам.

5

Камни полетели с берега, когда он уже ничего не мог сделать. Лишь резко отвернул к открытой воде, но было уже поздно.

Первый камень угодил в мачту, до заградительных ворот оставалось метров восемьсот. Фёдор поднял «калашников», имитируя подготовку к стрельбе. В ответ с берега посыпался град камней. Расстояние до лодки было приличным. Вряд ли дикие додумались пользоваться пращами, и сила, с которой летели камни, ужасала. Прямое попадание в голову могло стать роковым. «Не хотел бы я с ними встретиться на берегу, – успел подумать Фёдор. – Они в состоянии разорвать голыми руками».

Фёдор быстро закрепил румпель и бросился на дно лодки. Хотя они и обладали нечеловеческой силой, к счастью, меткостью не отличались. Ещё немного, и он вышел бы из поля обстрела. Но движение лодки начало замедляться. А потом прилетело это. Фёдор не сразу понял, чем оно оказалось. Осиное гнездо, словно трухлявый гриб, развалилось на части, ударившись о борт. Ещё один камень угодил в мачту. Первые взбудораженные осы пока ещё копошились вокруг своей оси, ползали, сбитые с толку. Вот как они выманивают своих жертв. А может, и приканчивают. Фёдор понял, что счёт идёт на секунды. Рука осторожно, чтобы не сердить насекомых («Крупные, – мелькнуло в голове, – слишком крупные»), потянулась к промасленным тряпкам, которыми он недавно протирал оружие. А потом пальцы нащупали мешочек с лекарственными травами, аккуратно вскрыли его. Споры сатанинских грибов с гиблых болот и с Сорочанских курганов, требуется совсем немного. Если бросить щепотку в костёр, когда ночь заставала в лесу, то вокруг на десятки метров не будет ни одного насекомого. Вместе с дымом – это их отрубит. Сам не замечая, как и почему, Фёдор прошептал:

– Ветошь... Давай. Быстрее...

Умудрился зажечь одну тряпку, тут же от неё подпалил следующую. Ничего не оставалось, как обмотать её вокруг руки. Смотрел, будто в замедленной съёмке, насколько нехотя занимается огонёк. Больше, надо больше и быстрее. Сунул в огонь свободные концы, вроде бы дело пошло, но надо быстрее, надо больше дыма...

И тогда осы напали. Целое облако. Первый укус был нанесён в изгиб локтя, и рука дёрнулась так, будто к ней приложили раскалённый металл.

«О, дьявол... Невероятно сильный яд».

Но больше ему не оставалось времени на раздумья. Лицо, шею и все открытые части его тела словно покрыла огненная лава. Осы жалили, и мгновенно весь мир вокруг стал невыносимой атакующей болью. Инстинктивно захотел было прыгнуть в воду, но в случае попадания камня он отключится, пусть и на несколько секунд, и тогда всё – конец. Фёдор чуть притушил тряпки, сразу же повалил густой дым, и кинулся в носовую каюту. Укрыться там. Едкий дым тут же стал заполнять пространство. Ещё несколько укусов он, наверное, даже не почувствовал. Лопающиеся споры грибов наполнили дым характерным тяжёлым маслянистым запахом. Осы, что были на нём, сделались вялыми, потом начали отваливаться, сонно падали на дно лодки. Камни уже не долетали, плюхались в воду, лодку сносило к фарватеру и к заградительным воротам.

«Господи, ведь это просто осы, – подумал Фёдор. – Какая нестерпимая боль...»

Всё тело горело. Места укусов с зияющей точкой по центру покраснели очень быстро. Просто осы, как нелепо... Но Фёдор не мог себе позволить сидеть здесь. Надо было избавиться от ос. Он приоткрыл дверцу и бросил дымящиеся тряпки. Глаза резало, и они начали слезиться. Собрать, быстро собрать всех ос, пока они сонные. Он так и поступил. Затем снова открыл дверцу, выглянул. Камнепад прекратился, но дикие так и не показали себя. Ладно, сейчас не до них, на таком расстоянии они больше не опасны. Тлеющая ветвь грозила новым возго-

ранием. Фёдор осторожно выбрался на палубу. Осы перестали быть агрессивными, но неизвестно, надолго ли. И первым делом он вышвырнул за борт развалившееся гнездо. Затем с какой-то детской мстительностью принялся давить ос. Понял, что ни к чему это, собрал каждое насекомое, каждую ужалившую его тварь, и бросил туда же. Скорее всего, основную часть ос отпугнул дым. Лодку всё ещё сносило к заградительным воротам, но вот-вот она встанет.

Фёдор вдруг схватил автомат и, не особо прицеливаясь, дал очередь по ближайшей зелёнке на берегу. Выстрелы не только разорвали эту тишину и не только вспугнули птиц. Дикие, или кто там, молниеносно шарахнулись в сторону леса, так и не показавшись, словно передвигались на четвереньках. Но Фёдор увидел не только быстрое движение в листве, он почти физически ощутил их страх, животный панический ужас.

Он опустил ствол, поставил оружие на предохранитель. Затем развернулся и посмотрел в сторону заградительных ворот, куда всё медленнее несло лодку.

И тогда он это увидел.

6

Этого не могло быть. Возможно, причиною был едкий дым, воздействие грибных спор, слезящиеся глаза или яд ос, который начал действовать очень быстро. Но... Русло канала, мерцающая река медленно катила свои воды, уходила сквозь заградительные ворота вдаль и там... А там она раздваивалась. Такого не могло быть – канал через цепь водохранилищ нёс свои воды в сторону Москвы. Направление было единственным.

Но он это видел.

(Нет! Ты видел намного больше.)

* * *

«Вспоминай! Ведь ты видел что-то ещё. Намного более важное и...»

– Невозможное, – хрипло произнёс Фёдор.

Он уже приготовил себе лекарственный раствор. Заткнул плотной пробкой бутылку, стараясь не расплескать ценную воду, поставил её на место. От озноба его начало трясти, а локоть, куда был нанесён первый укус, не просто распух, под изгибом словно висела сумка, наполненная жидкостью. Яд этих тварей оказался сильнейшим аллергеном. Ему не хотелось думать, что творится с лицом, огромные тяжёлые и будто пустотные губы красноречиво говорили обо всём.

«Русло распалось на две еле заметные мерцающие реки. Но видел ты не только это».

(флюгер)

(сигнальный дым показывал направление ветра)

Фёдор поднёс ко рту лекарство. Ещё раз слабо огляделся по сторонам – интересно, через сколько он уснёт? Но медлить больше нельзя. Лодка неподвижно стояла на фарватере на безопасном расстоянии от берега и от ворот. И больше он никак позаботиться о себе сегодня не мог.

Фёдор залпом выпил смесь. Она оказалась неприятно землистой консистенции и очень горькой. Пришлось крепко сжать челюсти, чтобы его не стошнило.

Там, за воротами, начинался ветер. Это так. Именно это он и видел.

(Сигнальный дым на бакене. Флюгер.)

Не только как русло канала по непонятной причине распалось и уходило вдаль двумя потоками. Но и несколько ближе, где всегда, отмечая фарватер, покачивается на воде бакен. Тонкая тёмная струйка, склонённая к бакену, означала две вещи: что ветер достаточно свеж и что кто-то из пироговских недавно побывал здесь. И вот в тот короткий момент, пока лодка ещё двигалась, он успел увидеть в проходе между воротами второе русло. И второй бакен, которого там никогда не было.

Что ж, за время его долгого отсутствия многое могло поменяться.

– Кроме законов природы, – с трудом шевеля губами, сказал себе Фёдор.

Расстояние между двумя бакенами было совсем невелико, а ветер очень свеж – сигнальная полоска дыма поднималась над водой под острым углом. А вот струйка дыма над вторым бакеном тоже показывала направление ветра, очень свежего, только... была развёрнута в противоположную сторону.

Вот что именно он успел увидеть. И это было неправильно: два бакена покачивались на волне и выглядели при этом абсолютно одинаково, только... зеркально, словно один являлся отражением другого.

Озноб ещё раз затухающей волной прошёлся по всему телу. Фёдор неожиданно зевнул – лекарство начинало действовать.

Картина русла канала, расходящегося вдаль двумя мерцающими реками, была невероятно красивой, но странной, ненормальной. И всё же не исключала попыток рационального объяснения: необычность освещения или сильные потоки воздуха, появление нового подводного течения, на худой конец, что угодно, только... Это не просто неправильно. Полоски сигнальных дымов над бакенами зеркально, с пугающей симметрией склонённые друг к другу, были невозможны.

Фёдор начал проваливаться в сон. И эта неприятная мысль, словно нащупав щёлочку болезни, вновь прокралась в сознание: «Там, за воротами лежит что-то иное. Как кошмар у границ твоего сна. Древних границ, о которых лучше не знать. Что-то невозможное и совсем иное».

7

Ева тоже думала о заградительных воротах. Только лодка Петропавла прошла уже вторые из них по водоразделу, строители же канала дали им порядковый номер 114. Эти ворота разделяли два водохранилища: оставшееся за спиной Пяловское и то, что впереди, Клязьминское. Однако едва выйдя на широкую воду Клязьмы, Петропавел вынужден был свернуть в смежное с ним Пироговское море, потому что прямо по курсу обнаружился блуждающий водоворот.

Ева облюбовала себе место на носу, ей нравилось ощущение, когда лодка взлетала на волну, а потом падала вниз, и оказалось, что её совсем не укачивает. Петропавел накинул ей на плечи мягкий тёплый плед, и Ева с благодарностью посмотрела на него. У старика были очень живые и очень весёлые глаза и интонации голоса прямо как у Тихона, так что Ева сразу почувствовала к нему расположение.

(Не сразу. Только после того, как прилетел Мунир. А до этого...)

Он даже обращался к ней «милая», и в этом не было ничего наигранного, старик вовсе не собирался никого копировать.

Ещё до подхода ко вторым заградительным воротам, на отрезке канала между водохранилищами, путь им преградила плоскодонка, и человек в жёлтой повязке на голове потребовал уплатить *ясак*.

– Гиды не платят ясак, – ответствовал Петропавел. Он попросил Еву уступить ему место на носу и теперь сидел, свесив ноги за борт, и безмятежно грыз яблоко.

– Вы на территории Пироговского речного братства. – Человек в плоскодонке заговорил с нажимом.

– Мне это известно, – улыбнулся Петропавел. – Но нам не нужны услуги лоцмана.

Человек нахмурился, и нечто тёмное и странное мелькнуло в его глазах, словно он прислушивался к чему-то. Да только не к чему ему было прислушиваться, на плоскодонке он стоял один, в руках выдавший виды дробовик.

– Вы на прицеле, – с угрозой заявил он и указал на берег. – Вон там. И там. – Он кивнул на противоположный берег.

– Это мне тоже известно, – со спокойной улыбкой возразил Петропавел. Как ни в чём не бывало, откусил яблоко, пожевал, проглотил. – Поэтому выбирай два моих ответа: у меня полная лодка вооружённых гидов. Мы постараемся, чтобы боли вы не почувствовали, но ещё до заката вы станете кормом для рыб. – Он с сожалением посмотрел на оставшийся в руках огрызок и бросил его в воду. И тут же доброжелательно добавил. – Второй ответ: нам не нужны услуги лоцмана. Но и неприятности нам не нужны. Мы идём с миром.

Человек в плоскодонке поморщился, только тень уже покинула его взгляд:

– Гиды... нам тоже не нужны неприятности. Вы ведь проходили здесь недавно?

– Совершенно верно, – миролюбиво заметил Петропавел. – А теперь возвращаемся.

– Скажи, а что с той, что живёт в Строгинской пойме? – Человек вдруг заговорил быстро, перейдя на гораздо более доверительный тон. – Слышал, её тень видели на Химкинском море.

– Я не хотел бы сейчас об этом говорить. – Улыбка тут же покинула лицо Петропавла. – Закат близок.

Человек в плоскодонке угрюмо передёрнул плечами, в его глазах заплясал тревожный огонёк.

– Не из суеверия, – пояснил Петропавел. – Просто к закату у них обостряется восприимчивость. Не стоит притягивать лихо. Нам только что пришлось отогнать её сестру в Пестово.

У того, как при тике, дёрнулась правая половинка лица, он невесело усмехнулся:

– Эта наша, домашняя, так сказать...

Петропавел кивнул со вздохом, но теперь его взгляд выражал скорее любопытство:

– Ну что, дадите пройти?

Человек в плоскодонке повесил дробовик на плечо:

– Дело ваше. Но дозоры сообщили, что со стороны Химкинского моря сюда движется блуждающий водоворот. И не один. Совсем скоро будет здесь. Прости, но при всём уважении, рыб кормить будешь ты.

– Так с этого и надо было начинать, – серьёзно сказал Петропавел. – Мы умеем быть благодарными.

– Ну как? – довольно хмыкнул тот. – Теперь тебе нужен лоцман?!

Петропавел лишь молча улыбнулся в ответ. Человек в плоскодонке уже сел за вёсла:

– Следуйте за мной. Сразу по выходу в Клязьму свернём в Пирогово. Там найдём, где вам переждать. Безопасный ночлег гарантирую.

– А твоя жёлтая повязка? – вдруг спросил Петропавел. Его команда тоже рассаживалась по местам, гиды превращались в гребцов.

Человек в плоскодонке какое-то время грёб молча. Затем снова поморщился:

– Тебе ведь известно, что это значит?! Ни с кем не заговаривайте, лодки не покидаем. Наши дела тебя не касаются, но законы гостеприимства не нарушим. Скоро всё изменится, войдёт в привычное русло. А пока найдём всем место стоянки в Пирогове, туда не заходят водовороты. – И он впервые разулыбался и мечтательно добавил: – Благословенное Пирогово – туда не заходит никакая напасть.

Петропавел кивнул, но, отворачиваясь, с сомнением чуть слышно произнёс:

– Кроме той, что уже там.

Однако Ева его услышала.

* * *

А потом лодка прошла заградительные ворота, и ещё на подступе к ним у Евы закружилась голова и повторилось лёгкое ощущение дурноты. Только опять она не поняла, что случилось. Ещё в первый раз, когда проходили ворота на Икшинском море («Номер сто восемь», – зачем-то сказал о них Петропавел), Ева почувствовала что-то подобное, однако сейчас чувство было гораздо сильнее. У девушки неожиданно участилось сердцебиение, краска, напротив, покинула её лицо, а руки, шею и спину стянула гусиная кожа. Ева смотрела куда-то прямо перед собой, силясь, наконец, проглотить ком в горле. А потом она поняла, что, наверное, некоторое время пребывала в чём-то похожем на прострацию. Она сжала ладони – кончики пальцев абсолютно холодные. Да в чём дело-то? Что не так?! И чем было это странное чувство нереальности? Как будто часть её находится в каком-то другом, возможно, очень плохом месте, и вот в какой-то миг она не могла с уверенностью сказать, какая из двух её частей существует на самом деле. Испарина выступила на лбу. Ева передёрнула плечами. Видела ли она что-нибудь необычное? Вроде бы нет. А эта ноющая мутная то ли тревога в груди, то ли?.. Но вроде бы действительно всё в порядке. Как и в первый раз, ещё на Икше, она действительно не поняла, что увидела. Так, какие-то миражи. Но Ева слышала, что такое частенько происходит на канале.

Правда, в тот самый момент, – «ворота сто восемь», – и Ева невесело усмехнулась, – она была слишком поглощена скорбью по Хардову. И мыслями о Фёдоре, даже не зная, радостными или гибельными. Тогда всё смешалось у неё в голове и в сердце, ей было необходимо подобрать осколки своего развалившегося мира и попытаться хоть как-то склеить. Так продолжалось до тех пор, пока зябким утром, – только она помнит каждое мгновение этого утра, – уже на широкой воде не прилетел Мунир, ворон Хардова, и не принёс, наверное, самую счастливую весть в Евиной жизни. И всё переменялось. Но позже. А в тот день, ещё на Икше она бы и не заметила, что лодка прошла заградительные ворота.

От этой части путешествия осталось лишь ощущение глубокого отчаяния, дурноты, которые вдруг предстали перед нею катастрофой. Хардов. Фёдор, папа... Их больше нет в её жизни. Их больше нет! И никогда не будет. Но... девушки плачут. Хардов, её добрый медведь, который, оказывается, стерёт не только границы давно ушедшего детства, не позволил Евиному сердцу превратиться в высушенную пустыню. Девушки плачут. И как только лодка миновала Икшинские ворота, боль, хоть и неокончательно, притупилась. Возможно, просто совпадение. Ева поняла, что позволила слезам течь из своих глаз, не стесняясь больше и не сдерживая себя. Никто её и прежде не беспокоил, пока она сидела на носу лодки в одиночестве, лишь Петропавел из деликатности пытался пару раз с ней заговорить. И вот когда невыносимая тоска, сковавшая грудь, всё же несколько отступила, Ева незаметно вытерла слёзы, и...

Она обернулась. Петропавел внимательно смотрел на неё. Сразу же улыбнулся. Но в глазах старика застыло что-то... не только недоумение и озадаченность. Тревога?

«Уже тогда меня что-то напугало, – подумала Ева. – Наверное, я почувствовала это, как только... ну да, как только сделалось чуток полегче, и голова стала хоть как-то связно соображать. Что-то прилично напугало. И Петропавел понял это, хотя и не подал виду. А сейчас всё повторилось. Только намного сильнее».

* * *

Но ещё прежде прилетел Мунир. Совсем ненадолго, как и положено посланнику благих вестей.

– Мы по привычке зовём эти воды Пироговскими, – говорил Еве Петропавел, провожая ворона счастливым взглядом, – но это не совсем точно. Само Пироговское водохранилище будет впереди, а сейчас мы идём по Пяловскому. А то, что прошли, – он кивнул за корму лодки, – где на нас напала эта тварь, зовётся Пестовским.

Старик был очень взволнован, – визит Мунира всё менял, – и проявил несвойственную разговорчивость. Взглянул на облако, закрывшее солнышко, затем на Еву и разулыбался. Облако ушло, забрав с собой тень. И впервые Ева нашла в себе силы на ответную улыбку.

А потом лодка снова вошла в канал. И совсем вскоре показались башенки заградительных ворот. Ева так и не поняла, что случилось. Но тень словно вернулась.

* * *

Ева не знала причины внезапной дурноты и головокружения. Ворота сейчас остались за спиной, их лодки на вёсельном ходу двигались за лоцманской плоскодонкой в сторону большой воды. Напряжение постепенно отпускало, но... Ева вспомнила, как папа объяснял ей назначение заградительных ворот, – точно такие же есть в родной Дубне, у самого входа в канал. В случае размыва подпирающих дамб это техническое сооружение могут экстренно перекрыть, чтобы вся вода, к примеру, Московского моря, не обрушилась в канал, вызвав катастрофические последствия. Так же порой для ремонта требуется выключить отдельный отрезок канала из общего русла. Только это ничего не объясняло в её состоянии. И следующий вопрос всплыл сам собой и оказался ещё более неожиданным: «Этот человек в жёлтой повязке... Для чего на ровном и внешне абсолютно безопасном участке канала в принципе нужны услуги лоцмана?»

Вопрос насторожил, словно это как-то взаимосвязано, и в нём мог бы скрываться ключ к разгадке, только... Ответ вряд ли вам понравится. Он лежит где-то... «В тёмном месте?» – вдруг подумала Ева. Убедилась, что на неё никто не смотрит, и всё же бросила украдкой взгляд на ворота.

Что не так? Что она могла увидеть и почему это так сильно напугало? Чем оно могло быть?

«Я не знаю, что видела, – подумала Ева. – Возможно, нечто, не существующее в реальности. Или наоборот, существующее, но скрытое от остальных». Вспомнила, как Хардов рассказывал о сиренах Тёмных шлюзов. Могло ли быть здесь нечто подобное? Пусть теперь всё и прошло или проходит, да только это неприятное, сосущее под ложечкой ощущение осталось,

(ответ лежит в тёмном месте)

смутное чувство неправильности.

«Так устроено восприятие, Ева, – сказал ей как-то Хардов. – Глаз не видит того, что не готов увидеть человек».

Странное чувство неправильности: вот они сейчас удаляются от ворот, и вроде бы действительно становится легче, напряжение спадает, но... Вовсе не потому, что всё прошло, закончилось, осталось позади. Напротив, скорее, уже случилось, это тёмное место, незамечаемое никем, теперь вокруг. Будто что-то...

«Свершилось, – мрачной подсказкой прозвучало где-то внутри. – Вот более подходящее слово».

Взгляд Евы потемнел. Склонив голову, она смотрела на заградительные ворота. И даже не заметила лёгкой судороги, скривившей линию рта. Как и не догадывалась, что Петропавел уже некоторое время с тревогой наблюдает за ней.

– Что вам от меня надо? – прошептала Ева заградительным воротам. Те медленно удалялись, безмолвное и равнодушное к страхам девушки техническое сооружение. Только Ева знала, что это не так. Мимикрия её не обманула. И этот маячок тревоги внутри, оказывается, вовсе не утих.

– Чего надо?!

Ева вдруг поймала себя на мысли, что думает о воротах, как о живом существе.

(глупо, конечно)

И что она очень не нравится этому существу. Но не только.

(глупо)

На какой-то миг медленно уплывающие вдаль ворота, это техническое сооружение, показались ей исполненными мрачного довольства. Пока ещё тихого, дабы не вспугнуть, но всё более нарастающего злорадного торжества.

8

Однако не только Петропавел наблюдал сейчас за Евой. Среди тех, кто держал лодку гидов на прицеле, нашёлся ещё один человек, у которого поведение девушки вызвало замешательство и озадаченность. Его некрупная фигурка была закутана в накидку с капюшоном, и если бы не пятна камуфляжа, прекрасно маскирующие в густом кустарнике, вполне резонно было бы предположить, что одеяние позаимствовано у монахов.

– Почему ты так себя ведёшь? – глухо сорвалось с губ этого человека. – На что ты смотришь, а?

Лодка с гидами сейчас медленно удалялась по каналу в сторону Клязьмы. Внимательные карие глаза человека в капюшоне пристально разглядывали странную девушку.

«Мы живём практически на острове, только очень большом, – вспомнились давние слова брата Фёкла. – Остров – дом наш. Канал и цепь водохранилищ с запада и юга, речка Клязьма на востоке да раздольное Уч-море с севера превращают его в неприступную твердыню, надёжно охраняют от гибели, что таится в Пустых землях и туманных сумрачных лесах на той стороне».

Было ещё кое-что, надёжно оберегающее Пироговское братство. У человека в капюшоне внутри полоснуло холодом.

«Ты ведь не можешь этого видеть? – Мысль смутила, однако вызвала не только тревогу. – Что-то чувствуешь, да? Или...»

Но блуждающие водовороты не позволят гидам и странной девушке продолжить путешествие, они обогнут остров и войдут на ночёвку в Пирогове. И это хорошо. Пожалуй, озадаченность и взволнованность давно уступили место чему-то ещё, что заставило человека в капюшоне немедленно покинуть берег и двинуться вверх по крутому косогору. Обширная часть суши по берегам водохранилища была действительно превращена в остров. И человек в капюшоне намеревался пройти его насквозь и оказаться на берегу Пирогова значительно раньше лодки гидов. На развилке дороги он ненадолго задержался. Одна тропинка вела здесь к Чевревскому причалу, и можно было бы послать весточку... Но человек в капюшоне принял другое решение. Совсем скоро некрупную фигурку можно было увидеть у того, что когда-то именовалось Цитаделью капитанов, – ох, счастливые были деньки! – а потом стало мрачным Храмом Лабиринта.

Охранники на воротах учтиво поклонились некрупной фигурке, только камуфлированная накидка была теперь вывернута на изнанку, – она оказалась двусторонней, – и приобрела благочинный окрас. Человек в капюшоне спускался по коридорам вниз, скупно освещённым факелами, и остановился перед дверью в просторной галерее. Дверь отворилась, вышли безмолвные служанки с полотенцами и тазами воды, и та, что теперь смотрела за ними. В руках также выжатое полотенце, тело крупное, кожа белая, но на лице свежий румянец. Нелегко изображать верную безутешную супругу, когда выглядишь настолько сытым. Румяная женщина строго посмотрела на некрупную фигурку, в глазах не было приязни:

– Ну и где опять шляешься?

– Нигде, – последовал ответ.

– Всё вынюхиваешь, – подозрительно протянула румяная женщина. – Смотри, брат Дамиан...

– Дамиан? – нарочито пренебрежительная усмешка. – С каких это пор он у нас отдаёт распоряжения?

– Да как ты смеешь?! – Взгляд стал наливаясь желчью. – Не забывай...

– Это ты не забывай! – И хотя со всякими провокациями и нарочитыми усмешками теперь стоит обходиться крайне осторожно, голос всё же наливается сталью. – Ты не забывай, *кто* находится там, за дверью. Или на нём уже поставлен крест?

Вспышка гнева на сытом румянном лице, да только человек в капюшоне не стал дожидаться ответа. Быстро двинулся вперёд и, оказавшись в ещё более просторном зале, глухо затворил за собой дверь.

У всех капитанов Пироговского братства лодки несли носовое украшение – ростры, связанные с их именами. Над форштвеном быстроходного шлюпа капитана Фоки красовалась искусно вырезанная фигурка тюленя, у шумного весельчака Петра далеко вперёд был выдвинут грозный каменный бивень, нос же поставленной тут в полумраке большой лодки венчала гордая голова льва.

Тягостный вздох сорвался с губ человека в капюшоне. В лодке лежал крупный мужчина. Глаза полуприкрыты, хотя сон его был много глубже сна самого усталого человека. Правда, кое-кто желал, чтобы этот сон, объявленный священным, вообще никогда не прервался. Не было необходимости смотреть в глухую стену, куда устремлены незрячие львиные глаза, дабы убедиться, что там пока ничего нет. Они находились здесь одни. То, что появится в стене, обычно выдавало своё приближение не только подрагиванием, как при сквознячке, факельных и свечных огней.

Человек откинул капюшон, взошёл на лодку и какое-то время постоял в нерешительности, глядя на мужчину. Снова вздохнул, но теперь к тяжести примешалась нежность. И вдруг сделал шаг и лёг рядом с мужчиной. Взял его за руку, подержал и свернулся калачиком. Промшептал:

– Привет...

Лежал молча, слушая тишину. Пронзительные карие глаза заблестели, незаметно наполнившись влагой, и пришлось сморгнуть.

– Там, на канале, было что-то странное сегодня. – Голос дрогнул. – Там, где ворота на водоразделе. Ты не подумай, я не позволю себе обольщаться, но... – Всхлип. Нельзя раскидывать. – Я так скучаю.

Картинка предательски задрожала перед глазами – слёзы... Нельзя. Никто не должен этого видеть. Иначе всё, конец. Как в истории с принцем датским Гамлетом, что читали с братом Фёклом.

Сегодня на канале действительно случилось что-то невероятное. Нельзя обольщаться, только в этом была последняя надежда. Но брата Фёкла тоже больше нет.

Крупная ладонь мужчины казалась безжизненной, однако если её крепко сжать, где-то внутри скорее угадывалось, чем ощущалось слабое пульсирующее тепло. Там, на канале, как только лодка с необыкновенной девушкой прошла сквозь заградительные ворота... Только идти теперь с этим не к кому. Ещё одна слезинка срывается, катится по щеке. И совсем тихий шёпот:

– Возвращайся, пожалуйста. Ты мне так нужен.

Глава 3

Фальстарт

1

А в Дмитрове стояли чудесные летние деньки, каких давно никто не мог припомнить. Знающие люди даже поговаривали, что вверх и вниз по каналу туман вроде бы отступил от берегов, словно скукожился, ослабив свой натиск, и задышалось вольнее. И всё это, так или иначе, связывали с рядом странных и загадочных событий, – хотя слухи поступали самые скучные и противоречивые, – что произошли на Тёмных шлюзах. В воздухе витала атмосфера очень хорошей и мощной перемены, только это не радовало Юрия Новикова. Как ни крути, Еве удалось сбежать; улизнула со своим хахалем прямо из-под носа всей Дмитровской водной полиции, а главный стратегический партнёр Юрия превратился в овощ. Так вот интересно вышло, что у посулившего ослепительный свет всемогущества (рядом всё было, можно сказать, «на мази») Шатуна вскипели мозги. И, скорее всего, остаток дней громила проведёт в госпитале Святых Космы и Дамиана в палате для проблемных, проще говоря, в дурке. И тут уже вздыхай не вздыхай... Не утешало даже, что Шатун там будет не один. Вечный подпевала нашего батюшки Трофим прибыл по тому же адресу. Нет, ну не умора: отправился в погоню за лодкой Хардова (Ева, там была Ева! И её недоносок-хахаль!) с пулемётом и командой ликвидаторов, а вернулся в детском слюнявчике и с улыбкой идиота. Юрий вздохнул, подумав, что такая совсем ещё недавно приятная новость теперь тоже была бессмысленной.

Всё катилось в тартарары. Над самой могущественной семьёй на канале, над Новиковыми, сгущались тучи. Вернулся Тихон и, даже не переговорив с главой полиции, тут же потребовал созыва чрезвычайного совета гильдий. Никто не ожидал такого резкого хода. Учёные, эти паразиты из Дубны, сразу поддержали Тихона, и кресло главы полиции под нашим дорогим и уважаемым батюшкой зашаталось. Гиды всех переиграли. И вот Юрий Новиков раздумывал, не специально ли они затеяли всё это, подставив батюшку да и его самого. Как он облажался с попыткой задержания Хардова. Над ним уже начали посмеиваться. Пока не в открытую, отводили глаза. Но мерзкие фразочки типа «Я собирался жениться. А ну, снимай платье!» теперь следовали за Юрием Новиковым по пятам.

Тучи сгущались. И хоть говорят, что купцы пока присматриваются, но эти всегда держали нос по ветру (а ведь недавно обивали с челобитными батюшкины пороги – верность совсем покинула этот мир). Если же их поддержит ещё и Гильдия Гребцов, то самое перспективное для нашего уважаемого батюшки – это почётная метла дворника. Возможно, с не менее почётным переездом в какую-нибудь вонючую дыру на границе.

У них была власть, сила, Дмитровская водная полиция и головорезы Шатуна. А им противостояла всего лишь одна маленькая лодочка с беглецами. Как такое могло случиться, чтоб в одночасье всё перевернулось? В чём секрет, загадка? Ведь Новиков-старший со своей вздорностью и паранойей всех устраивал. И даже сейчас, если бы батюшка выиграл, ему бы списали все оплошности, и купцы по-прежнему обивали бы пороги их дома. Но как говорит Шатун (точнее, «говорил», потому что овощи они, вообще-то, не отличаются особой болтливостью): «История спит с победителями». На сей раз таковых в семье Новиковых не нашлось. Может, в этом всё дело.

Батюшка замкнулся и пребывал в чём-то похожем на депрессию. С большой высоты больше падать. Сам виноват, старый дурак. Да и Юрий тоже... Стоит признать, появилась за ним одна странность, никогда раньше такого не наблюдалось. В основном, он теперь всё больше

спит. Но иногда словно выпадает, отключается, глядя перед собой в пустоту. И вот когда такое случается, то потом он обнаруживает себя с грифелем в руках, которым машинально, сам не сознавая, что-то чертит, рисует. В основном, всякую ерунду, каких-то зверушек. Воронов, но порой и более подозрительные вещи – женские платья, похожие на платье невесты, в котором сбежала Ева...

Юрий сморгнул. Предательство не обошло стороной ещё кое-кого. Вот и баба Шатуна, та, кто была ближе всех, вонзила кинжал в самое сердце. Проявила верх верности – подпалила полюбовничку мозги. Он поморщился, глядя на штору, затенявшую комнату, – судя по всему, за окнами был яркий свет. Преданная амазоночка Раз-Два-Сникерс, – а ведь люди Шатуна молились на него, – ловко всё провернула, надменная стерва, насквозь лживая и холодная, подставила всех.

С губ сорвался короткий вздох. Казалось, произошедшее с Шатуном должно было Юрия Новикова обрадовать – не он один остался в дураках. Так как-то легче. Но Шатун научил его кое-чему. Ты один в этом мире, поэтому бери всю ответственность на себя. Не делись с дураками ни бедой, ни радостью. А главное, никогда не возись с теми, чей звёздный час остался позади.

Юрий Новиков поднялся из-за письменного стола, потёр пальцы. Интересно посмотреть, как громила выглядит сейчас? Не такой уже супермен? Казалось бы, в соответствии с нравоучениями Шатуна, это не должно больше беспокоить. Не возись с теми, кто всё прохлопал. Только...

– Ева, – прошептал он. Но перед глазами мелькнули они обе. И Раз-Два-Сникерс тоже.

Юрий поднёс руку к лицу, посмотрел на пальцы. Тёмные, все измазанные следами грифеля. Он опять что-то чертил. Выпал...

2

Это опять с ним случилось. Он «выпал», размышляя о двух стервах, которые, предав его и Шатуна, всего их лишили (*из-за них всё вышло*), выпал и что-то чертил.

Юрий вернулся к столу. Нахмурился, склонив голову, а потом его лицо застыло, и во взгляде мелькнуло что-то капризное.

Какие у нас интересные новости. Всего несколько минут назад он размышлял, не навещать ли ему в госпиталь Святых Косьмы и Дамиана. Навестить Шатуна. Не то что из сочувствия, а так. Скорее, из-за какого-то отстранённого, мутновато-порочного любопытства. Сейчас, глядя на графические труды рук своих, Юрий подумал, что, возможно, и ему пора приглядеть удобную коечку как раз где-то по соседству с громилой-овощем и ликвидатором в детском слюнявчике. Сейчас привычные рисуночки несколько сменились. Никаких вам больше зверушек и летних платьев, которые порой так невинно задирает летний ветерок. Там были буквы. Впервые. Слово. По-прежнему много вроде бы бессмысленных нервных штрихов, и на сером, темнеющем к центру фоне, внутри этого облачка чернело выдавленное с нажимом слово. Вроде бы безобидное. Да только буквы, из которых оно сложилось, казалось, горят, клочут жаром болезни, чуждой яростью. Словно внутри его головы появились антенны, сумевшие уловить позывные, что пробились из какой-то неведомой изначальной тьмы.

Это было слово «фальстарт».

3

В палате для проблемных солнечный лучик пробивался сквозь неплотно зашторенные окна, наполняя комнату спокойным мягким светом. Крепко сбитая санитарка распахнула занавески и бросила взгляд на Юрия Новикова:

– Пять минут, – строго сказала она.

Юрий послушно кивнул, затем указал на Шатуна:

– А-а... он?

Санитарка отрицательно покачала головой:

– Думаю, он вообще не догадывается о вашем существовании. Даже зрачки не реагируют на световой раздражитель. Второй получше. Болтливый только, волнуется.

При появлении Новикова-младшего Трофим скосил на него глаза и, видимо, узнав, счастливо заулыбался.

«Ну вот, хоть кто-то мне рад», – подумал Юрий.

– Вы не оставите нас? – попросил он санитарку. Та усмехнулась:

– Говорю же, он вас не слышит. – У неё были широко посаженные глаза, и она смотрела на Новикова-младшего с каким-то отстранённым интересом – видимо, весь мир для неё делился на проблемных пациентов и тех, кто за ними приглядывает. – Ладно, пять минут.

Юрий подошёл к постели Шатуна. Затем нерешительно обернулся. Трофим с неописуемым восторгом наблюдал за ним. К собственному удивлению, Юрий почувствовал неловкость.

– Мама? Мамочка, – с благодарностью позвал его ликвидатор. – Как хорошо, что ты пришла.

Крепкая санитарка сердобольно вздохнула и негромко усмехнулась, заметив, как у Новикова-младшего вытягивается лицо.

– Злая баба обидела меня, – пожаловался Трофим и, словно делая великим секретом, доверительно добавил: – Она была из камня. Каменная... С ней ещё уродцы-карлики притворялись летучими рыбками.

Юрий Новиков изумлённо посмотрел на санитарку. «Думаете, почему он здесь», – профессионально ответил её взгляд.

Трофим тут же отреагировал на этот обмен эмоциями:

– Будь осторожна, мама! – велел он Юрию, подозрительно косясь на санитарку. – Помоему, *эта* с ними заодно.

Юрий Новиков неотрывно смотрел на Шатуна. Когда он его видел в последний раз, огромного, великолепного, сильного, от громилы словно исходил внутренний жар, заставляющий всех вокруг повиноваться его воле. Сейчас перед Юрием лежала лишь бессмысленная оболочка, пустая, бессильная. В ней ещё текли какие-то вялые жизненные процессы, но это был уже больше не Шатун.

– Ну, и куда ты сбежал? – прошептал Юрий Новиков. Чуть слышно выдохнул: – Оставил меня одного...

Замер, вслушиваясь, пытаюсь почувствовать, но от неподвижного гиганта не исходило никаких импульсов. Он склонился ниже и поймал себя на непристойном желании коснуться пальцем щеки Шатуна. Справился, не стал этого делать, сразу отпрянул и снова замер.

– Надеюсь, там, где ты находишься, тебе хорошо, – проговорил он, – потому что мне здесь крантец.

Трофим нахмурился, пытаюсь извиваться, и только тут Юрий сообразил, что подпевалу-ликвидатора спеленали, как младенца. Но вот он затих.

Юрий тяжело вздохнул. Подождал ещё какое-то время.

– Наверное, я на тебя не в обиде, – горько сказал он Шатуну. – Только...

Ладно. Нечего здесь больше делать. Юрий Новиков поднялся, всё ещё не сводя взгляда с гиганта.

– Каменная баба умеет плавать, – сообщил Трофим. – Хотела подсидеть меня на должности...

– Идиот, – буркнул ему Юрий.

Трофим озадаченно посмотрел на него и снова заулыбался. Юрий направился к выходу. Пяти минут не прошло, а его визит окончен. Нестерпимо захотелось побыстрее оказаться на солнце. Он взялся за ручку двери и тогда совершенно отчётливо услышал голос Шатуна:

– Фальстарт...

Юрий вздрогнул как ошпаренный, немедленно обернулся:

– Что?

Гигант по-прежнему лежал неподвижно, не мигая, смотрел в одну точку между собственной постелью и потолком.

– Что ты сказал?!

Под переносицей у гиганта было что-то влажное. На голос Юрия появилась санитарка:

– В чём дело?

– Он говорил со мной, – горячо ответил Юрий.

Санитарка мягко взяла его под руку, она оказалась сильной.

– Прекратите, он не может разговаривать.

– Но я слышал, – возразил Юрий, пытаясь вернуться к постели Шатуна.

– Показалось. Пора.

– Но...

Трофим захихикал, глядя на них, а затем счёл необходимым предупредить:

– Пулемёт тут не поможет.

– Послушайте, – начал было Юрий, – мне нужна минута...

– Нет. Визит окончен.

– Я прошу минуту. Разве это так много?

– Летучие рыбки, – вздохнул Трофим.

Рука санитарки крепче сжала локоть Юрия Новикова, увлекая его к выходу:

– Пойдёмте.

– Каменная баба плывёт сюда! – вдруг завопил Трофим. – Каменная баба...

Рука санитарки превратилась в сталь:

– Ну вот, довольны?! Вам действительно пора.

Юрий Новиков быстро обернулся: положение тела Шатуна не изменилось, да только что-то...

– Каменная баба совсем близко, – визжал Трофим. – Не надо... Плывёт!

Дверь за Юрием захлопнулась. И в этот миг снова, словно скальпелем, резануло в его голове: «Фальстарт».

4

Апбб-жжж-зз-ширргкахр. зз

И хохот, от которого сейчас лопнут перепонки. Чей?

(Всё теперь связано, молодой гид)

Это хохот болезни. Не только той, что вошла в него осиным ядом: больно само это место. Его куски, пространство, разламываются, как нарезанный протухший пирог. И лучше не знать, что там, в червивой начинке. Однако ведь он принял лекарство. Это оно воет голодным демоном в крови? Или он опять стоит на мосту под безжалостным тёмным ветром, где уже ничего не исправить, и Лия снова сейчас погибнет, сорвётся в безвозвратную мглу?

Нет, это не Лия. Это другая. И хотя она стоит спиной, и похожий гидовский камуфляж, но...

(хохот голодного демона)

А ты молодец... Уже догадался, кто это?

– Нет, – в забытии шепчут губы. – Этого не может быть. Обернись...

Нет? А что там, в червивой начинке? В самой глубине?

Фальстарт.

– Что это? О чём ты?!

Тсс... Тихо. Здесь бессмысленно кричать. Потому что пришла тебе пора платить по счётам. Теперь ты заплатишь тем, что любишь. Здесь, где уже ничего не исправить, в месте, где закончатся иллюзии.

– Не-ет!..

Шрркзхр. зз

* * *

Возможно, Фёдор проснулся. Но хохот и вой ветра всё ещё были здесь, постепенно отдаляясь, затихая. И гудение осиного гнезда.

Но вот всё развеялось. Русло канала было спокойным, как детская колыбелька. Давно забытый уют, лишь плеск воды, и день катится к закату. Только веки снова начали тяжелеть.

Почему-то теперь у канала два русла, там, впереди, после заградительных ворот, и оба изумительной красоты в мерцающих бликах вечернего золота.

Осы... Он пролежал в забытии несколько часов. Повезло, что его не заметил никто из лихих людишек. На одном из русел что-то есть. В переливающемся золоте чернеет точка. Далёкий бакен?

(бжзз... молодой гид)

Держать глаза открытыми всё сложнее. Нет, это не бакен, и незачем обманывать себя. Это лодка. Двигается быстро и прямо сюда. Всё-таки не обошлось без лихих людишек, а может, кого и похуже. Фёдор попытался пошевелиться и понял, что ещё без сил.

Его заметили. Меньше чем через час чужая лодка будет здесь. Как нелепо: кто-то решил поживиться за его счёт, а он беспомощен, приходи и бери голыми руками.

Ещё одна попытка приподнять голову забирает последние силы. Веки слипаются. И мысль: «Всё, я спёкся. Я вот так просто сдамся, преподнесу себя на блюде», – разламывается уже в больном пространстве, раскалывается об хохот и вой ветра...

* * *

в месте, где закончатся иллюзии.

– Нет, обернись... Ты не можешь быть здесь!

«А вот это зависит от тебя, молодой гид».

– О чём ты? Что зависит от меня? – пытается кричать Фёдор, но не может, его гортань больше не производит звуков, губы немеют. – Что...

* * *

...зависит от меня? – шепчет Фёдор.

И вроде бы он снова на канале. Над ним звёздная ночь. Значит, ещё несколько часов миновало. Только почему-то взошли две луны. Фёдор моргает – две луны, каждая над своим расходящимся руслом канала. Этого не может быть. Бред. Тяжесть. И восхитительная гибельная красота распавшегося мира. Возвращаются голоса, сонные веки снова тяжелеют.

Где-то там плывёт чужая лодка. Где-то.

Сон...

* * *

– Что зависит от меня?!

«Тсс, здесь ты не можешь требовать. Та, которую ты обрёк на гибель, ждёт тебя».

– Это всё давно в прошлом.

«На болотах ты тоже так считал».

– Не играй со мной, Перевозчик!

«Т-сс... Почему же ты постоянно возвращаешься в эту точку? – Голос глухой, как треск давно высохшего дерева. – Опять ошибся с выбором?»

Ни насмешки, ни угрозы, только неумолимая констатация факта.

Фёдор уже на мосту. И девушка, окружённая тенью, под безжалостным ветром.

– Лия?

«Возможно. А может, и нет. Теперь зависит от тебя».

– Обернись. Обернись, пожалуйста! Ты не можешь быть здесь. Тебя здесь нет! Обернись. (*Фальстарт*)

Она оборачивается; сердце у Фёдора колотится, потому что он уже всё понял. Поднимает голову, смотрит на Фёдора, и он никогда не видел такой невыносимой печали в её глазах, отстранённой, через которую не пробиться, словно тень уже забрала её.

– Ведь мы договорились, Перевозчик! – кричит, пытается успеть Фёдор. – Я расплатился с тобой.

«Да-аа, – как протяжный шёпот, которым становится вой ветра. – Монетой-королевой. Но та, что ждёт тебя, и есть Королева».

– Но почему?! Что такое «фальстарт»?

Хотя Фёдор уже всё понял. Понял, что таилось в червивой начинке. И голос Перевозчика, треснувший, низкий и совсем пустой, напоминающе подсказывает:

– Всё теперь связано.

Только это Ева. Это она говорит голосом Харона.

5

Фёдор открыл глаза.

Эта горечь из сна ещё тлела в нём, но сердце успокаивалось. Отгораживалось от тёмной тоски.

– Ева, – Фёдор разлепил губы. Сколько он пролежал так? Не меньше десяти часов. Возможно, больше. Всё тело было липким от пота, и нижняя одежда пропиталась им насквозь, но уже высыхала.

Это был только сон. Плохой, дерьмовый сон, ночной кошмар, подаренный ядом болезни. Но теперь он прошёл.

Он пошевелился. Поднял голову. И понял, что выздоровел. Ночное небо затянулось лёгкими облачками, с воды веяла приятная свежесть, и не было никаких двух лун. Неправдоподобная, гибельная красота ожившей ночи тоже ушла вместе с болезнью. Зато в теле ощущалась лёгкость. Похоже, горькое лекарство подействовало – яд вышел.

Фёдор улыбнулся. Лишь плеск воды где-то недалеко. И тогда он вспомнил о чужой лодке. И...

Лодка была здесь. Лицо Фёдора застыло. Хорошо, что он не успел подняться и сесть, луна светила в его сторону, и он был как на ладони. Скосил глаза, нахмурился, и на мгновение его посетила неприятная мысль, что это всё еще сон. Потому что...

Лодка была ещё здесь. Хотя, по его прикидкам, прошло не меньше десяти часов. Таилась в темноте, совсем рядом, по другую сторону заградительных ворот. Зачем? Что она здесь делает? На него так и не напали, хотя времени было предостаточно. Тогда что?

Но самым странным было другое – плеск, который ни с чем не спутать, осторожная работа вёслами. Чужая лодка медленно приближалась, двигалась в его сторону, кормчий пытался никак не выдать своего присутствия. Фёдор поморгал: что за чёрт?

Глаза быстро свыкались с освещением. В лодке был всего один гребец, и похвастаться мощным телосложением он явно не мог.

«Чего тебе надо? – мелькнула тяжёлая мысль. – Ты явно прибыл сюда ещё засветло, видел, что я беспомощен. Если хотел просто пройти мимо, уже давно бы грёб своей дорогой».

Чужая лодка приближалась. Несомненно, странный ночной визитёр правил именно сюда. Фёдор успел отметить его искусность – звуков он почти не производил. Луна, показав свой бок, быстро очистилась от облаков, стало значительно светлее. Он несколько поменял положение, укрывшись плащом так, чтобы оставалась свобода манёвра. Странный лодочник сидел к нему спиной и подходил с правого борта. Рука незаметно нащупала ствол «ТТ» на дне лодки. Фёдор чуть подождал и переместил оружие на живот. Поднёс к нему левую руку, глубоко вздохнул и качнул лодку. Быстрый приглушённый плащом «клац» передёргиваемого затвора утонул в плеске воды.

Ночной визитёр немедленно отреагировал на звук, сразу же обернулся, подозрительно вслушиваясь. Мелькнуло лезвие ножа. Фёдор удивлённо поморщился, обнаружив, что нож зажат зубами, дабы освободить руки.

«Так чего же ты ждал?» – опять накатило это странное мутное непонимание. Не меньше десяти часов он представлял собой даже не лёгкую – беззащитную – добычу. Чего же было столько тянуть... Неприятная мысль, что это всё ещё дурной сон, сделалась назойливей. Но на подобные рефлексии уже не оставалось времени. До чужой лодки было теперь не больше десяти метров. Незванный гость вполне чётко обозначил свои намерения. Вот он начал сушить вёсла. Стало совсем тихо. Через несколько мгновений носы двух лодок поравняются. Лицо Фёдора сделалось безмятежным. Он чуть переместил под плащом оружие, прикрыл глаза и стал ждать.

6

«Фальстарт».

Звук? Или это всего лишь ветерок вырывает его из сна, принося беспокойную весть?

«Ветерок, который может перетекать из “наяву” в сновидения», – думает Юрий Новиков, переворачиваясь на другой бок и попутно успев отметить глубокомысленность своего пред-
рассветного суждения.

– Фальстарт...

Опять это слово. Ну, хватит уже! Нет, он, конечно, спит, и это ему всё снится. Снится, что звук вырывает его из сна. И что там, у окна его спальни, покачиваясь в бледном лунном свете, кто-то стоит. Кто-то тоже бледный, и сквозь него видно, словно он соткан из мерцающих точек тусклого перламутра. Надо же, к нему явился призрак. Хорошо, что во сне.

(а может быть, ты всё-таки не спишь?)

– Привет, малыш, – шелест в комнате, как почти осязаемая волна, и оконная занавесь приходит в движение. Нет, главное – не оборачиваться, не смотреть туда, снова уснуть, и всё пройдёт...

– Ничего не пройдёт, – звучит в комнате или над самым его лицом. – Вставай. У меня совсем мало времени.

Страх тяжестью сдавливает грудь и почти лишает дыхания. Юрий Новиков против воли открывает глаза. К счастью, над ним никого нет. Он узнал голос, как и фигуру, что колышется у окна в такт движениям занавески.

– Ты мне снишься? – с надеждой спрашивает Юрий, голос звучит слабо.

– Ты не спишь. Наоборот, еще никогда настолько не бодрствовал.

Страх совершает ещё одну попытку вернуться, обдаёт лицо Юрия Новикова холодом.

– Ты умер, да? – спрашивает он. – Умер сегодня?

– Малыш... Ты всегда мог повеселить. Но сегодня меня надолго не хватит. Я по-прежнему в госпитале, где ты меня и оставил.

Занавесь колышется.

– Тогда сейчас ты выглядишь даже лучше, – автоматически говорит Юрий Новиков.

– Несомненно, – соглашается Шатун. – Лучше быть сгустком воли, пусть полупризрачным, чем овощем.

В последнем слове сквозит насмешка. Или угроза. Или всё вместе. Это, конечно, Шатун. Занавеска колышется, тёмный ветер в его спальне.

– Я так о тебе не думал, – защищается Юрий.

– Забудь. Я не в обиде. А сейчас вставай.

– Зачем?

– Встань и подойди ко мне.

Юрий поднялся. Тёмный ветер...

– Хорошо.

Он двинулся вперёд. Но с каждым шагом морозящий страх всё более опустошает его, ноги тяжелеют, будто прилипая к полу, да только послушаться он боится ещё больше. Наконец Юрий остановился.

– Ещё.

Сделал шаг вперёд.

– Ещё...

Юрий подошёл почти вплотную. Встал. Короткий спазм тошноты – от близости покачивающейся фигуры, сквозь которую увидел что-то чуждое и непозволительно интимное одновременно.

– Ещё.

Юрий сглотнул.

– Остался всего шаг. Не бойся. Тебе больше не придётся бояться.

– Но...

– Когда-то я обещал взять тебя с собой. Время пришло.

Тикают настенные ходики?

– Куда «взять»? – хрипло вымолвил Юрий, озираясь по сторонам.

– Да. Ты правильно понял. Просто делай шаг вперёд.

– Что?!

Новый спазм тошноты. Юрий сделал глубокий вдох и... Вдруг ему показалось, что он и вправду начинает понимать. Скосил глаза: его опостылевшая спальня, где можно только лежать и жалеть себя, логово пораженца, лузера; утро, за которым ничего не будет, ничего не ждёт, ему нечего терять...

– Да-а, – протяжный вздох. – Теперь делай шаг. У меня не хватит сил на объяснения – просто войди в меня, и всё поймёшь.

– Как?

– Как входят в воду.

«Я пропал», – успевает мелькнуть в голове у Юрия. Но впервые инаковость другого вдруг больше не выглядит такой непреодолимой, даже, напротив, в этом есть что-то соблазнительное...

– Зачем? – всё ещё задаются вопросом остатки рационального Юрия, хотя по ногам уже прошла лёгкая пружинящая искра. – Почему?

– Потому что это был всего лишь фальстарт.

7

Меньше чем через пару часов, когда вокруг уже пело солнечное утро, показавшееся Юрию Новикову прекрасным, он стоял перед насосной станцией «Комсомольская». Теперь, как и обещал Шатун, он знал многое. Не всё, конечно, но они ещё поговорят. Главный приз ждал его внутри. Небольшая вещица, о которой, к счастью, забыли, когда взорвав дверь, извлекали из станции Шатуна. Когда, преданная Раз-Два-Сникерс спалила громиле мозги. Безделица, что смастерил один блаженный чувачок из Деденёво, шкатулка с балериной, танцующей блюз. Валяется, возможно, поломанная, где-то в темноте. Но в этом мире всё складывается к лучшему, если вы на правильном пути. И когда он её отыщет, эту безделицу...

– Да нет, её уже не надо чинить, – пробормотал Юрий Новиков. – Она жива и ждёт... Ждёт. Потому что это был только фальстарт.

Он прыснул, а потом на губах застыла эта новая улыбка. В её ошалелости нет и намёка на прежнее безволие. Напротив, даже присутствует некий шарм. Таким улыбкам невозможно противостоять. В них есть что-то непререкаемо победное. Знающие люди могут подтвердить, что не раз видели подобное. Но только у одного человека. Так улыбался Шатун.

– Фальстарт, – растягивая звуки, произносит Юрий Новиков. И вдруг по-приятельски кивает Великой-и-Загадочной насосной станции «Комсомольская». – Всего лишь фальстарт. Но теперь мы сыграем по-настоящему.

Он толкает новую, навешенную после взрыва дверь. Пора идти вперёд, пересекать границу. Всего лишь мгновение тёмное сырое помещение станции кажется ему распахнутой утробой зверя. Он входит в неё. Пересекает границу. В нескольких километрах отсюда в палате для проблемных госпиталя Святых Косьмы и Дамиана Шатун впервые делает тяжёлый вдох. Трофим в страхе косится на него, пытаясь отодвинуться подальше. Слушает тишину. Мрачно озираясь, шепчет:

– Каменная баба уже здесь...

Глава 4

Фавориты луны

1

– Ну, как ты, братец?

В вопросе Хома беспокойство. Он раздвигает веслом камышовые заросли, видит лодку, в которой укрыл прихворавшего Брута. Третью неделю сам не свой. Бедолага. Да, попали они в передрагу. Влипли так влипли. Видимо, мерзкая хворь, что передалась с отравленной книгой, не прошла ещё окончательно. Яд, конечно, изготовил мастер гибельных зелий. Задержись они, как собирались, хоть на полчаса, смертельная эссенция уже б улетучилась, и никто ничего бы не понял. Всё шито-крыто. Да только им это знание ни к чему! Хорошо ещё, братец Брут держал в руках книгу совсем недолго, а то, неровен час, отправился бы вслед за монахом.

Хома во всём винил себя. Свою жадность. Это ему на Пироговских причалах попался благодетель, охочий до редких книг. Да ещё в трактир пригласил. Как маслено блестел его взгляд. За «Деяния Озёрных Святых» был готов уплатить любую сумму, коллекционером сказался. Только обещанием дело не ограничилось. Хома помнит, как с трудом сдержал жаркую дрожь, не подал виду. Часть сказочного гонорара коллекционер выдал авансом, лишь только сговорились. И аванс этот превышал всё, что они с Брутом заработали за год. Кто ж тут устоит?

– Братец...

Так как ответа не последовало, Хома решил, что его напарник спит. Что ж, сон сейчас ему – благодетельный лекарь. Некоторое время назад Хома спрятал вторую лодку из их великолепного катамарана в густых зарослях камыша, а сам направился на другой берег. В крохотном сельце напротив обитал знакомый травник, что умел держать язык за зубами, да и новостями пора было разжиться. А они становились всё более удручающими. Влипли братцы, влипли.

Брут противился всей затее с самого начала. Не хотел обирать блаженных людей, книжники – они ж как малые дети.

– Да послушай, никто не пострадает, – настаивал Хома. – Дело плёвое, невинная шалость. Подходим ночью, монахи спят в своих кельях, забираем книгу, где указали, и только нас и видели.

– А если не спит? – насупился Брут.

– Кто?

– Я про этого брата Фёкла только хорошее слышал. Мы ж не грабители какие.

Хома рассудительно почесал подбородок.

– Да, тут ты прав, – согласился он. – Мы Озёрные братцы, фавориты луны, – и подмигнул своим правым глазом, тем, в котором всегда жар стыл. – О нас только говорят, но никто не видел в лицо.

Брут кисло посмотрел на него. Хотя бы это было правдой. Братцы Хома и Брут полагали, что умение до неузнаваемости изменять внешность у них наследственное. Так ведь и заказчик-коллекционер лица Хома не видел. А Брут на переговорах вообще предстал согбенным старикашкой. Под конец Хома даже забеспокоился, не переборщили ли они с образом, так и клиента спугнуть можно. А такой поиздержавшимся братцам до зарезу был нужен. Брут собрался было что-то сказать, Хома перебил его:

– Кроме грабежа и насилия, – так когда-то очень давно, став напарниками, они пообещали друг другу. – Всё помню, принципов наших не нарушим. Но слушай сюда, братик... Человек... заказчик упомянул, что наш монах до сидра жаден...

– Кто? Брат Фёкл?!

– Ну а кто ж?! А если чего покрепче перепадёт, тоже не побрезгует. Короче, засыпает, мол, прямо над книгами. Мертвецким сном. А то, бывает, прямо на полу.

– Не знаю...

– Нам только книгу из-под него потянуть, и готово. Не обидим блаженного. Хотя у нас с Возлюбленными старые счёты.

Брут хмуро кивнул. И это было правдой. Настрадались они в своё время от монахов.

– Ладно, – нехотя сдался Брут.

– Вот и хорошо, – просто сказал Хома.

Так всегда бывало. Рано или поздно они договаривались. Только Хома знал кое-что про младшего кровного брата: Брут не был слабее, скорее, покладистей. Внутри доброжелательного улыбчивого Брута, что так нравился девкам на ярмарках и не воспринимался всерьёз деловыми людьми, скрывался кремь, сталь. Эта обманка, двойное дно, стальной стержень не раз выручали братцев, не говоря о том, что жило внутри Брута тайно. Но с этой книгой всё вышло... тут уж разборками с лихими людишками не ограничится. Хома впервые пожалел, что не послушался младшего брата.

«Выкинуть её к чёртовой матери, – порой думал он, – да и податься куда от греха подальше».

Лодка уткнулась носом в илистый берег.

– Бру-ут.

Его брат и напарник не спал. Хома захлопал глазами, и у него сжалось сердце. Похоже, мерзкая хворь всё же доконала младшего. Вокруг были разбросаны какие-то листки, что прихватили с собой из Озёрной обители. Брут склонился над книгой и что-то писал, тут же зачёркивая. Лицо его пылало жаром, он ничего не видел и не слышал вокруг себя. Мерзкая ядовитая книга сделала своё дело: похоже, братец Брут свихнулся.

2

Фёдор ждал. Его глаза были прикрыты, а указательный палец покоился на спусковом крючке оружия, упрятого в складках плаща. Он был готов к любому развитию событий и старался не думать, почему неизвестный ночной гость ведёт себя настолько странно. Позже. Он подпустит его как можно ближе, застанет врасплох и получит ответы на все вопросы.

Плеска воды за кормой почти не слышалось, когда тот по-кошачьи мягко перепрыгнул в его лодку. Сразу же застыл, в руках фал, чтобы не упустить своё судёнышко. Затаился, не нападает. Осторожно кладёт смотанную верёвку. Пристально глядит на лежащего Фёдора, словно не зная, как поступать дальше. «Либо делай то, зачем пришёл, либо не стоило начинать», – мелькает холодная мысль. Но следом приходит другая: «Я думаю неправильно: он не испугался ночного канала, а сейчас проявил нерешительность? Здесь что-то не так».

И снова на миг всплывает мутный неявный образ: распавшееся русло канала и заградительные ворота, из-за которых прибыл странный визитёр, как древние грозные башни, стерегущие неведомые границы. Что происходит?! Фёдор с неприятным удивлением обнаружил, что понадобилось некоторое усилие, чтобы вернуть прежний контроль.

«Как-то ты и впрямь мелковат для головореза из лихих людишек, что потрошат купцов. Хотя внешность обманчива, и тут не стоит обольщаться».

Ещё Фёдор успел подумать, что и тот видит перед собой совсем зелёного беззащитного юнца. Обманчиво первое впечатление, и никому не стоит обольщаться. Неизвестно, какой монстр может скрываться в милом, внешне беззащитном существе.

Наконец, тот, крадучись, двинулся вперёд. Стараясь быть бесшумным, подобрался к Фёдору. Дыхание прерывисто. Склонился над ним. И опять замешкался. Не уловил медленного движения, когда ствол «ТТ» чуть раздвинул полы плаща. И всё же Фёдор пока ждал. Но вот рука с ножом двинулась к его горлу, через мгновение будет на месте. Ствол ещё сместился, нацеленный ровно в голову противника. Теперь жизнь ночного визитёра висела на волоске, чтоб перерезать его, оставалось лишь спустить курок. Но... лезвие не ушло в сторону с замком, не резать, а лишь наметить угрозу. Он не убийца, и это только что спасло ему жизнь. Фёдор открыл глаза.

– Не поранься, – спокойно сказал он.

– Что?! – последовал вскрик. Рука дёрнулась обратно как ошпаренная, затем с опозданием попыталась вернуться, лезвие заплесало в воздухе.

Только сегодня монстры остались без поживы. Фёдор сморгнул, изумление даже не успело овладеть им.

– Я буду быстрее, – словно на автомате пояснил он и показал ствол. – Ты уже труп. Поэтому перестань махать своей бирюлькой.

Фёдор резко поднялся, уселся поудобней и, не глядя на своего противника, мягко спустил курок из боевого положения, поставив оружие на предохранитель. Помолчал. Затем всё же коротко вздохнул:

– Ну, и что всё это значит?

Наконец посмотрел на своего визави. Тот убрал нож, отпрянул и не произносил ни звука. Фёдору показалось, что он уловил смущение, но, возможно, лишь показалось. Так и не удостоившись ответа, он покивал:

– Хорошо, я скажу. Эм пятьдесят семь. Знаешь, что это?

Тот как в рот воды набрал. Фёдор покачал пистолет в руке:

– Эм пятьдесят семь значит, что это оружие модернизировано. Видишь рычажок? – сухо поинтересовался он. – Флажковый предохранитель. Блокирует ударно-спусковой механизм. – У Фёдора слегка дёрнулась щека. Стоит признать, неожиданный визитёр изрядно обескура-

живал. – В оригинальной конструкции «ТТ» этого нет. Не вдаваясь в подробности, в числе прочего сводит к минимуму вероятность самопроизвольного выстрела. Оружие старое, иногда такое случается, шептало могло быть изношенным... – Он осуждающе покачал головой и заговорил с нажимом. – Ты понимаешь, о чём я? К чему всё это рассказал?! К тому, что тебе очень сильно повезло.

Фёдор спокойно встал и сделал шаг вперёд. Лезвие ножа опять заплесало в воздухе, потом опустилось.

– Уже лучше, – похвалил Фёдор. – А теперь скажи мне, что юная дама, пусть и переодетая в мужское платье, делает ночью на канале...

Щёки вспыхнули. Смятение, но молчит...

– ...где технически неисправное оружие – самая малая из твоих проблем? Что, язык проглотила?!

Нет ответа. Прерывистое дыхание. Взгляд затравленный и яростный одновременно. Взгляд волчонка.

– Я ведь задал вопрос. Или мне пристрелить тебя как воришку?

Она плотно сжала челюсти. Взгляд стал наливаясь свирепостью. Но тут же глаза ушли в пол. Даже не девушка – девчонка. Вырастет красоткой, если не перестанет себя так вести.

– Я не воришка, – сумел разобрать Фёдор в нечленораздельном бормотании, сдобренном хрипами. Он посмотрел на неё и довольно жёстко произнёс:

– Не мямли.

Она вдруг гневно фыркнула, дерзко, даже надменно, подняла голову:

– Не воришка! Понял?!

Фёдор усмехнулся. Покивал.

– Хорошо, давай попробуем сначала, – предложил он. – Зачем пожаловала? Да ещё с ножом в зубах. Пиратских книжек начиталась?

Она потупила взор, как-то странно озираясь.

– Как звать-то? – смягчаясь, спросил Фёдор.

– Никак! – Теперь еле уловимый всхлип, который, однако, тут же подавили.

«Этого ещё не хватало, – подумал Фёдор. – Ну да, у неё такой возраст, постоянная перемена настроения».

– Что ж, – он пожал плечами, – интересное имя... Ну и ответь, Никак, чем обязан? Что ты делаешь в моей лодке?

– Всё равно не поймёшь.

– А ты попробуй.

– За тобой приплыла!

Фёдор сморгнул:

– Никак... У меня нет времени ни на грубость, ни на глупости.

– Это правда. Но ты не поймёшь. Пока не поймёшь.

– Ну, хорошо, допустим... И зачем ты за мной приплыла?!

– Потому что мне больше некуда идти!

Снова всхлип. Теперь громче. Быстро отвернулась. Ненадолго.

– Потому что видела кое-кого. Но потом поняла, что это не она, а ты.

Он посмотрел на неё с сомнением:

– А по-русски можно?

– Говорю же, пока не поймёшь. Ты ведь не местный и не знаешь, как всё там, за воротами...

Фёдор попытался обдумать услышанное и понял, что у него не выходит.

– И поэтому ты заявила с ножом?

Она кивнула. А потом как-то странно посмотрела на Фёдора – может быть, мелькнувшие детское благоговение и страх ему лишь привиделись.

– Ну, не поэтому... А потому, что ты умеешь делать лабиринты.

3

– Что я умею делать? – спросил Фёдор.

– Я знаю, ты не согласишься, но это так.

– Прости, ты сказала «лабиринты»?

Она кивнула.

– О чём ты?

Фёдор всё более пристально разглядывал странную гостью. Он знал лишь нескольких мужчин, которые осмелятся выйти на канал после заката, а тут девчушка, совсем ребёнок. Если отбросить предположение, что она не в себе, что пока давалось всё сложнее, то у неё должны быть очень веские основания оказаться здесь. Фёдор вдруг вспомнил симметрично склонённые друг к другу сигнальные дымы на бакенах и с неприятным удивлением почувствовал, что спину и затылок стянула гусиная кожа.

«Ты ведь не местный и не знаешь, как там, за воротами».

Он нахмурился, а потом, словно отгоняя дурное наваждение, спросил:

– Это что – какая-то игра?

– Да, я тоже боялась поверить. Это так невероятно! Я знаю только одного человека, создавшего лабиринт, но он... Он сейчас...

Она замолчала, опять как-то странно озираясь, на миг её лицо сковала печаль, затем затараторила:

– Так хорошо, что я тебя нашла! Хоть ты оказался совсем не таким. Совсем не похож...

«Она сумасшедшая, – мелькнуло в голове. – Просто сумасшедшая девчонка».

И тут же откуда-то из-за ворот будто накатила волна одобрения, словно что-то большое и бесформенное, таящееся во тьме, обрадовалось подобному строю мыслей, – конечно, сумасшедшая! – обрадовалось и теперь сулило лёгкий выход: «Сумасшедшая – этим всё и объясняется. И теперь только забрать у неё нож, и...»

На лбу внезапно выступила испарина. Девочка внимательно смотрела на него:

– Ты ведь меня не обидишь? – неожиданно попросила она.

Фёдор протёр лоб: а ведь там, за воротами что-то очень... Он посмотрел на девочку, попробовал ей улыбнуться: «Я опять думал неправильно: сумасшедшему не выжить на ночном канале и нескольких минут. А она здесь. Возможно, немного не от мира сего, необычная, возможно, очень необычная, но именно поэтому ей есть, что мне сообщить. И ещё кое-что, кое-что очень важное...»

(сигнальные дымы, склонённые друг к другу, были невозможны)

Он тихо усмехнулся и бросил пристальный потяжелевший взгляд в густую тьму за воротами: «Кем бы и чем бы ты ни было, ты только что выдало себя. Я не знаю, что ты такое, но грязный почерк всегда одинаковый, – Фёдор поморщился и снова усмехнулся, подумав о девочке. – И похоже, мы с ней на одной стороне. Вот что по-настоящему важно».

Он обернулся к своей гостье. Девчонка всё ещё была как сжатая пружина.

– Рассказывай, – кивнул ей Фёдор.

4

– Лабиринт капитана Льва и его сон, объявленный священным, – как в горячке пояснил Брут.

– И что? – нетерпеливо отмахнулся Хома.

– Об этом здесь. – Брут потряс листками. – Монах начал догадываться...

– Братик, ты о чём?

– Монах, брат Фёкл. Он ведь был такой, как я.

– Я понял про монаха. Но я не про него. Брут, что *с тобой*? Мы ж вольные братишки, нас всё это не касается.

– Девочка... Он успел передать мне. И теперь я должен. Больше некому.

– Не ка-са-ет-ся. Забыл?!

Брут насупился.

– Братик, давай избавимся от чёртовой книги и заживём по-старому. Одно зло от неё.

– Она бесценное сокровище! Ты что, не понимаешь...

– Это ты не понимаешь! Слушай сюда: нас уже ищут. Хорошо, хоть не знают кого. Её не продать. – Хома развёл руками. – Не продать нам чёртову книгу. Пока ты тут прохлаждаешься, изображая из себя учёного-книжника, я сгонял на тот берег. К людям. Разведаль, о чём шепчут. Новости ужасные. Нас подставили, Брут. Не коллекционер он был вовсе.

Брут посмотрел на брата без удивления, но и без укора, и Хоме пришлось вспомнить, что вообще-то из-за него всё случилось. Он тяжело вздохнул:

– Благо хоть, у меня свой человек в обители, ну тот, помнишь, что подсобил тогда...

– Хромой?

– Я думаю, он такой же хромой, как и мы. Но шрам через всё лицо настоящий, уж тут-то меня не проведёшь. – Хома всё-таки позволил себе довольную улыбку. – Меня не распознает, как есть, никогда не видел, хоть и давно с ним дела веду.

– Тут я в тебе не сомневаюсь, – искренне заверил Брут.

«А что, значит, в другом сомневаешься?» – с досадой подумал Хома. Но сразу же решил, что из-за чёртовой книги стал несправедливо придирчив к брату.

– В общем, дело дрянь, братик, вляпались мы. Хромой, пусть так, давно уж говорил мне, что не всё там гладко у них в обители, как с виду. Непокойно. Кое-кто из Возлюбленных, те, что помоложе да погорячей требуют от ихнего Дамиана доступа к Священной Книге, к подлиннику. Не первый день споры ведутся. Да и сам Дамиан у многих... Нет, авторитет, конечно, и всё такое, но слишком много всего к рукам прибрал, пока капитан Лев... – Хома понимающе щёлкнул языком и подытожил: – Непокойно.

– Нам-то что дел до монахов?

– Нам?! – Хома невесело усмехнулся. – Скажу, братик, всё скажу. Знаешь, слух пустили, что кто-то проник в Озёрную обитель и убил благочестивого брата Фёкла, добрейшего и беспомощного старика. А про хищение Священной Книги Возлюбленные не объявили. Пока не объявили. Смекаешь почему?

Брут молча ждал продолжения, и Хома кивнул. И опять усмехнулся, совсем уж горько:

– Хорошо, что Хромой... Я ведь сначала разведал, что к чему, потянул за разные верёвочки и сплёл общую картину, так и понял. И у меня похолодело всё. В такую гадость мы вляпались. Подлинника всего два. Один у нас. И знаешь, почему монахи молчат о пропаже главной книги Пироговского братства? Чтоб не спугнуть. Догадываешься кого? Нас. Нас не спугнуть, братишка! Мы ж сами должны за деньгами с Книгой явиться. К коллекционеру. – Хома не смог удержаться от язвительности. – Кто ж такой суммой швыряться-то станет. Вот они и ждут. – Хома замолчал. Потом тяжело вздохнул: – Моя вина. Я облажался с этим кол-

лекционером. Не просчитал его. Теперь понимаю, что неспроста он в том трактире оказался, сам на нас вышел. Но все мы умны задним числом.

– Хома, не кори себя. – Брут, наконец, хоть улыбнулся. Ободряюще. Всегда так. Эх, не достоин Хома младшего брата, не уберёг его с чёртовой книгой! Ладно б тело, тут Брут справился, но она голову, душу ему отравила.

– В опасную гадость вляпались, – тяжело повторил Хома. – Политика... Помню, один умный человек предостерегал: не связывайся никогда, самое поганое, грязное и самое кровавое дело. Проедет катком по костям и не заметит.

– Катком?

– Поговорка такая.

– А-а, – Брут покивал. И, видимо, автоматически, снова потянулся за книгой. Хома брезгливо поморщился.

– Уверен, что больше не опасна?

– Уверен. Убила брата Фёкла, и яд вышел. Меня хвостом зацепило. Только нам не надо её продавать. Он понял перед самой смертью, брат Фёкл...

Брут как-то странно посмотрел на своего старшего:

– Думаешь, заговор в обители?

Тот кивнул и прищёлкнул языком.

– А мы-то зачем?

– Так они в нас, двоих дурачках, свой заговор и прячут. Говорю ж, за разные ниточки пришлось... чтоб цельную картину получить. – Хома кисло поводит взглядом по сторонам. – Ну да, заговор. Только не против брата Дамиана, а наоборот, чтоб ещё больше ему руки развязать. Они ведь с нами сразу двух зайцев убивают: чтоб молодые и горячие больше не тянулись к запретной Книге, да и вообще не задавались лишними вопросами – вон, мол, что происходит, если не затянуть потуже... И убийство брата Фёкла, опасного конкурента, – его, говорят, и впрямь сильно уважали, – на нас вешают. Два дурачка просто пошли на грабёж за Книгой и не погнушались мокрого дела. И всё шито-крыто.

– Они его сами убили.

– Верно. Но кто это сказал? Ты? А ты кто такой?! Воришка, фаворит луны. И повязали тебя с уликой на руках, когда пытался сбагрить товар. Вор и убийца. – Хома снова прищёлкнул языком. – Что наше слово против слова Возлюбленных?

– Немного.

– Ничего. Ноль! Так что нам теперь один путь – избавиться от чёртовой книги и смытываться отсюда, – подвел итог Хома. – Выбросить её поскорее в канал, где-нибудь в гиблом месте, чтоб не всплыла, да сниматься с якоря.

– Она бесценна, – чуть слышно обронил Брут. – Сокровище.

– Бесценна? Ну-ну... А не из-за неё ли твоего брата Фёкла...

– Она не хотела никого убивать. Люди злые. А она...

Хома увидел, как мечтательно заблестели глаза младшего брата, и у него сжалось сердце. Дрянь она, а не сокровище. Одного убила уже, и не ясно, сколько ещё бед наделает. И сдался ему этот монах. Хотя, если они с младшим были одинаковы, то как Хоме тут судить? Он берёг его, как мог, заботился всю жизнь, остерегая от людей сокровенную тайну, но... Хома задумчиво почесал подбородок. Однако не эта ли тайна их в очередной раз выручила?

Ведь кое-что монахи всё-таки не смогли просчитать. Не на тех нарвались, Возлюбленные! Кого-то проще стоило искать. Брут им оказался не по зубам. Не учитывался в подлом уравнении. Если б не он... если б монах ему про книгу... именно то, что они оказались одинаковые... короче, если б про отраву не узнали, не ясно ещё, как бы оно вышло. Вот отчего, кстати, «коллекционер» на склонность брата Фёкла к выпивке указал: спит, мол, бывает мертвецки пьяным сном прямо над книгами. Хитро задумано – в келье полумрак, время поджидает...

Явился они в урочный час, как сговорились, всё уже должно было закончиться. И концы в воду. А двоих дурачков на плаху.

– Не был брат Фёкл никому конкурентом, – вывел его из задумчивости голос Брута. – Не потому его погубили. Он догадываться начал. Я знаю, что он делал. Зачем слова вычёркивал.

Хома посмотрел на брата: снова глаза горят.

– Брут, брось ты всё это. Мы хорошо выкрутились, и ладно.

– Ещё не совсем разобрался, но уже близко.

– Брут...

– Он сумел мне передать. И попросил. Я должен. Некому больше.

– Братец, пожалуйста, перестань. Не расстраивай меня ещё больше.

– Ты не понимаешь! Эта Книга – она совсем другое... Я теперь знаю истину.

Хома сглотнул. Брут повертел книгой в руках.

– Что ты знаешь? – хрипло спросил Хома.

– Истину.

Хома захлопал глазами. Потом выдавил из себя:

– Ты болен, Брут.

И замолчал.

– Да нет же... – Брут посмотрел на него удивлённо и вдруг расхохотался. Взгляд его был совершенно ясным. – Не в этом смысле. Не с большой буквы. Не псих я, не бойся. Ты бы видел себя! Просто понял, как и что. Он сумел.

– Брут, порой ты меня убиваешь.

– Я видел его глазами. И это всё ещё происходит. Иногда... И теперь я просто обязан, пойми. А тебе нечего за меня переживать. Ну, что за унылый вид?

Хома помялся. Наконец спросил:

– Скажи, это всё из-за этой принцессы, да? Ты её пожалел?

– При чём тут?..

– Ты говорил про неё. Не раз.

– Аква – никакая не принцесса. Просто она совсем ребёнок. И...

Хома грустно усмехнулся:

– Она дочь капитана Льва. Наследница. Когда-то это называлось «принцессой». Он показал тебе её, да?

– Да, – просто согласился Брут. – Она напугана. И ей не к кому идти. Брат Фёкл опасается... Прости, просто он всё ещё у меня в голове, – опасался, что ей могут причинить вред. Даже убить. Но показал он мне не только это.

Хома всё больше темнел лицом. То сокровенное, что тайно жило в Бруте, конечно, выручило их. Как случалось уже не раз. Но сейчас Хома отдал бы всё на свете, чтобы младший братишка родился нормальным. Чтобы не встречался им на пути добрейший и прозорливый монах брат Фёкл. А главное, чтобы никогда не было этой проклятой книги.

– Какие твои предложения? – вяло поинтересовался Хома. – Если мы от неё не избавляемся и нас поймают, то...

– Нас не поймают. Нам теперь в другую сторону. Люди там не ходят.

– Что ты хочешь сказать? – неожиданно голос Хома сделался сиплым, словно подсел.

– Я почти расшифровал Книгу, но... Нам туда, – Брут неопределённо махнул рукой. Однако и у него щёки побледнели, когда, отворачиваясь, чтобы не смотреть брату в глаза, он быстро добавил: – В Рождественно.

– В Ро-жж. же... – Челюсти Хома клацнули.

Он хотел было что-то сказать, но слова застряли в горле. Да и к чему тут разговоры. Брут не хуже Хома знал, кто там теперь поселился. В третий раз за сегодняшнее утро Хома решил,

что проклятая книга всё-таки сделала своё дело. И его единственный братец Брут неизлечимо болен.

5

– С того момента, как я села в эту самую лодку, ни на минуту не останавливалась, – повторила девочка.

– И за воротами не ждала?

– Некогда мне было прохладиться.

– Но ведь я видел... Впервые обнаружил твою лодку ещё засветло и не дольше, чем в часе-полтора ходу отсюда.

– Говорю же, Лабиринт. Ты не знаешь, что видел.

– Тебя! И плыла ты в мою сторону...

Фёдор недоверчиво смотрел на неё. Только что она рассказала ему какую-то ненормальную жуткую сказку, наподобие тех страшилок, что ходили по каналу, пока он ещё жил в Дубне. Проблема в том, что в основе всех тех баек и легенд всегда присутствовали отблески правды. Искажённой, прикрытой домыслами спасительного, хоть и жутковатого волшебства. Чего же ему ждать? Что ещё мог рассказать ребёнок? То знание о непонятном и страшном мире, которое воспринял в форме сказки. В своё время он и сам приложил к этому руку – орден гидов умел хранить некоторые неудобные тайны.

– Ты действительно видел, как я плыла по Лабиринту, – согласилась девочка, – но расстояние оценил неверно. Намного больше было. Да и не твоя вина... Скорее всего, ты заметил самое начало моего пути, а потом уснул. Сам же сказал, светло было.

– А приплыла ты из Пирогова, – уточнил Фёдор.

– Всё верно.

Он обдумал услышанное:

– Хм, сейчас ночь. Но когда рассветёт, на той стороне будут густые древние леса, укрытые туманом.

– Знаю. – Она как-то безрадостно улыбнулась, и Фёдор снова подумал, что ей пришлось повзрослеть до срока. – Даже знаю, что живёт в тех лесах.

– Озёра поворачивают, канал несколько раз меняет своё направление. Но даже если его распрямить, найти бесстрашных дровосеков и вырубить лес, – Фёдор пытался говорить шутливо, только давалось это всё сложнее, – и даже если уйдёт туман, понадобится зрение орла, чтобы увидеть отсюда Пирогово.

– Конечно, если смотреть по-привычному... – пробурчала она. – Тебе просто сложно поверить. Но как поверишь, сразу поймёшь.

– Что?

– Лабиринт. Иногда можно увидеть очень далёкое, как сквозь прозрачные стены. И часто скрыто то, что у тебя прямо под носом. Пока не наткнёшься на него. И тогда может быть поздно. И этим пользуются наши.

– Поздно?

Она кивнула.

– Говорю же, без лоцманов чужакам не пройти Лабиринта, – девочка говорила тихо. Начался рассвет, и стало видно, насколько она на самом деле измотана. – Здесь всегда так было. Это как в книжках... Ну, знаешь, когда делают лабиринты из живых кустов? Или которые строили в Древнем мире. Только этот наоборот – он на самом деле. И, – развела руками, – он здесь везде, вокруг.

Фёдор молча смотрел на неё. Он всё ещё не мог побороть скепсиса.

– И только лоцманы знают дорогу, – сказал Фёдор. – Они что-то особенное?

– Нет. Самые обычные, – пожала плечами. – Местные. Просто все наши, местные, в отличие от чужаков, знают и видят единственный путь по Лабиринту. За это и требуют платить ясак.

А так заблудишься. Те, кто решают на свой страх и риск, никогда больше не возвращаются. Заблудился – пропал. Лодки теряются. Лабиринт забрал их всех и ещё никого не отпустил.

«Не совсем так», – подумал Фёдор.

– И поэтому ты приплыла за мной? – улыбнулся он. – Решила, что я тоже умею делать лабиринты?

– Не «тоже». Ты невнимательно слушал. Это под силу только особенным.

– Как эти ваши девять капитанов? Или Девять Озёрных Святых, я немного запутался...

– Капитаны были героями, но даже они не смогли создать Лабиринт в одиночку. Я ведь говорила! Просто... Просто иногда помогают мёртвые, – голос дрогнул, – те, кого любишь... Любил, – взгляд сделался вымученным. – Каждый из них заплатил очень высокую цену.

Он смотрел на неё с сомнением: «Ты мне только что прочитала курс мифологии Пирового братства, хотя из рассказанных историй можно выудить полезную информацию, но... Дело ведь не в этом? У тебя что-то случилось, да? Тяжёлое? Какая-то потеря? Прежде всего поэтому ты приплыла за мной».

Девочка истолковала его взгляд по-своему:

– Предупреждала же, что сразу не поймёшь. Не сразу. Да и не ждала я... Ну, хорошо, – она терпеливо вздохнула. – А попробуй вспомнить, не видел ли ты ещё чего-нибудь необычного?

– Более необычного, чем девочка Никак, которая не боится ночного канала?

Она захлопала глазами, но щёки зарделись, и ей не сразу удалось скрыть польщённую улыбку:

– Я серьёзно.

«А интересно, чем это может быть? – вдруг подумал Фёдор. – Если допустить, что она в определённых вещах права, что это он, этот Лабиринт? Какая-то запутанная тёмная метафора, внушённая верованиями безумных монахов? Природная аномалия? Последствия техногенной катастрофы? Или нечто... – Фёдор усмехнулся собственному предположению, но еле уловимый холодок в затылке тут же дал о себе знать. – Или какое-то древнее неведомое существо?»

– Ну, если исключить, что там Пустые земли, – начал он, – а на другом берегу туман...

– Я не об этом, не дурочка. Это все знают. А с тобой... ничего странного?

Он посмотрел на неё внимательно. Девочка ответила выжидающим взглядом. Фёдор сказал:

– Никак, я не понимаю, о чём ты. Вероятно...

– Значит, всё-таки видел? Вспомни, это важно.

Фёдор помолчал. В её настырности было что-то...

– Я не знаю, – произнёс он, будто через силу.

– Не зови меня так больше, – попросила она.

– Что? А... как же мне тебя величать?

– Мы не раскрываем своих имён чужакам.

– Тогда буду звать, как захочу.

– Не из вредности. Просто у нас считается, что имя... Ладно, лучше вспомни, что видел.

Фёдор усмехнулся. Бросил взгляд в утренний сумрак, за ворота. Ему и не надо было вспоминать. Конечно же, он видел. Только не знал что.

– На меня напали осы, – негромко сказал он. – Там... В общем, лекарство пришлось выпить. А оно вызывает галлюцинации.

– Галлюцинации? Я знаю, что это. Мне брат Фёкл говорил, – тут же осеклась, и опять этот странный взгляд: испуг, недоверие и надежда; быстро с этим справилась. – Это похоже. Похоже на галлюцинации, если не... хмм... Что видел?

– Вероятно, лекарство... – Фёдор нахмурился, как будто тень болезни на миг вернулась, наклонил голову, и его лицо застыло, словно он прислушивался к чему-то безмолвному, но явно существующему за воротами. Затем растерянно посмотрел на девочку.

– Галлюцинация, – подсказала она.

– Я видел, как русло канала распалось на два, – быстро проговорил он.

– Ага, я так и знала, – живо кивнула девочка. – А теперь постарайся вспомнить: тебе не показалось, что они очень похожи? Но как бы одно зеркально повторяет другое?

Фёдор нехотя кивнул. Сигнальные дымы на бакенах... Он снова почувствовал в затылке этот неприятный холодок.

– А меня ведь ты видел только в одном из них, верно? Как бы в неправильном?

– Ну, разумеется, ведь...

«У меня *не двоилось* в глазах», – хотел было сказать и вдруг стал понимать, о чём она.

– В *неправильном*, так? – проговорила девочка с нажимом.

(склонённые друг к другу сигнальные дымы были невозможны)

– Откуда тебе это известно? – внезапная хрипотца прокралась в голос Фёдора. – Ну, да, там... Там ветер дул в другую сторону.

– Оно не неправильное. Это и был твой вход в Лабиринт.

6

– А теперь нам надо торопиться, – тут же добавила она. – Возможно, ещё не поздно.

Фёдор растерянно молчал, а девочка как-то странно посмотрела на него, под глазами залегли огромные тени.

– Ты и вправду можешь мне помочь. – Что-то изменилось в её тоне. – Или не сможет никто. Но... если ты хочешь спасти её, для тебя это единственный выход.

Она поднялась на ноги, пошатнулась:

– Давай! Я помогу забрать якорь. Если монахи узнают, что я была здесь...

– Тебе надо отдохнуть, – сказал Фёдор и удивился, насколько чужим показался ему собственный голос. – Спасти кого?

– Ну как же, та девушка в лодке с гидами. Я ведь говорила. Думаю, пока они в Пирогове, всё не совсем плохо, да только...

Фёдор попытался улыбнуться. Не особо успешно. «Больно складная история, чтобы ребёнок мог её просто сочинить», – мелькнуло в голове. Мысль не показалась приятной.

– Я знаю, о ком ты, – признался Фёдор. – Знаю. Они мои друзья. И девушка... – Эта хрипотца снова захотела вернуться. – Но при всём уважении к вашим капитанам и даже монахам... Поверь мне, в лодке с *этими* гидами ей ничего не угрожает.

– При чём тут капитаны? – Она фыркнула. – И монахи?! Ты хоть что-нибудь слушал? Лабиринт не выпустит их. Твой Лабиринт. Но не только... Она... Я ведь говорила, никому не под силу в одиночку. Без неё ты бы не смог...

Девочка замолчала, вглядываясь в его лицо. Горько усмехнулась:

– Понял, наконец? Она... Прости, мне очень жаль. Лабиринт попытается её забрать. Такой будет цена.

Глава 5

Раз-Два-Сникерс в Икше

1

Город просыпался. Такое всегда случалось с наступлением заката, и она начинала к этому привыкать. Большинство оборотней ушло в свои норы в северной части города. Вряд ли она перестала их интересоваться. Скорее всего, новая Королева решила просто не связываться – слишком уж тяжёлая, хлопотная добыча, а как убедилась Раз-Два-Сникерс, недостатка в пище у оборотней не было. В город пришёл лес, и теперь Икша жила по его законам. Как-то сюда, совсем рядом с её убежищем, забрела косуля, и Раз-Два-Сникерс видела из своей звонницы, как оборотни окружают её. С ощущением подступающей тошноты она теперь будет вспоминать большие трепетные глаза косули, показавшиеся влюблёнными, словно оборотни предстали перед ней великолепным сильным самцом, кавалером для брачных игр. Это выражение не сменилось, даже когда косулю начали жрать, и мелькнувший в глазах испуг быстро заволокла томительная истома. Хардов оказался прав: оборотни знали своё дело, они были прекрасными манипуляторами. Свои короткие вылазки из колокольни в поисках воды и путей ухода Раз-Два-Сникерс осуществляла только днём и только имея при себе серебряные пули.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.